

ДЕМ МИХАЙЛОВ

ИНФЕР 3

ПРОДОЛЖЕНИЕ КРОВАВОЙ ИСТОРИИ

Инфериор

Дем Михайлов

Инфер 3

«Автор»

2021

Михайлов Д.

Инфер 3 / Д. Михайлов — «Автор», 2021 — (Инфериор)

Мир, которого мы еще не знали. Постапокалиптические огромные города, удивительные племена с самыми причудливыми и порой страшными обрядами, невероятные чудовища, что бродят по густым джунглям, безводным пустыням или же скрываются в мутной воде рек... В этом цикле Оди, же безжалостный, смотрящий только вперед, продолжит свой путь, пытаясь докопаться до сути происходящего вокруг безумия. Пытаясь отыскать того, кто ответственен за происходящее.

© Михайлов Д., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Дем Михайлов

Инфер 3

Когда она вошла, я встретил ее также ласково, как и ее бывший третий муж, ныне покойный – двумя выстрелами в живот. Замерев на месте, схватившись за живот, она медленно подняла лицо и уставилась на меня – сидящего в ее любимом старинном кресле с высокой изогнутой спинкой и широкими мягким подлокотниками. Боли на ее красивом лице не было – пробитая второй пулей личная носимая аптечка сработала отлично, успев впрыснуть немалую дозу лекарств еще до того, как она успела почувствовать обжигающую боль. А судя по прерывистому писку, аптечка еще кое-как функционировала. Значит, продолжала подавать лекарства в организм. А заодно наверняка подняла тревогу.

Меня не волновало ни первое, ни второе. Пули были особыми, лечи не лечи – ей не жить. Спасут разве что в госпитале, если решительная бригада врачей оперативно удалит половину внутренних органов, заменив их временными имплантатами. А охрана... охрана не придет.

– Нет, – покачал я головой и озвучил то, что знал я, но на что все еще надеялась она. – Охрана не придет. Жить тебе еще минут пятнадцать. Без аптечки пять. Но так и так через пару минут ты свалишься в кому, откуда уже не выйдешь.

Умный взгляд женщины, что выглядела подтянутой спортивной современной бабушкой лет на шестьдесят, а на самом деле готовилась распечатать тринадцатый десяток, чуть вздрогнул, чуть поплыл. Она оценивала мои слова... чутье и опыт подсказали ей – я не лгу. Это конец.

Сделав осторожный шаг, она медленно, по-прежнему не отпуская рук от пробитого живота и пострадавшей аптечки, опустилась во второе кресло, что стояло в паре метров от меня. Секунд двадцать мы мерились взглядами, а затем она, поняв, что я просто наблюдаю и жду, спросила сама, начав с самого неправильного вопроса.

– Кто платит тебе?

Все же я переоценил ее интуицию.

Я промолчал, но качнул головой, давая ответ и заодно давая шанс задать правильный вопрос. Она снова не поняла и повторила, заодно попытавшись начать торговлю:

– Кто заказал меня? Я заплачу в десять раз больше. Заплачу прямо сейчас – за антидот от той заразы, что ты вбил пулями в мое тело.

Вот в чем дело... она решила, что раз я сразу не прострелил ей голову, то только потому, что жду от нее выгодных деловых предложений. Она еще не верит, что это на самом деле конец. Придется ее разочаровать:

– Это не заказ, – мирно улыбнулся я, глядя на старый револьвер в моей руке. Старый, но в идеальном состоянии. Оружью давно уже исполнилось два века, а мне оно досталось по наследству от одного старого черного засранца, что обитал под навесом на крыше не менее старого небоскреба, на добрую треть ушедшего в океан. – Это личное. От меня – тебе.

Вот теперь она поняла. В ее лице что-то неуловимо изменилось. Откинувшись на спинку кресла, она убрала руки с покрасневшего живота, мокрый от крови шелк облепил ее плоский живот, все еще полные бедра и едва заметный прямоугольник ультрасовременной аптечки.

Понимая, что ее время уходит, и одновременно понимая, что я не солгал и торговли не будет, но явно все еще надеясь на охрану, что почему-то не спешила спасать ее драгоценную жизнь, она, убрав руки на подлокотники, задала, пожалуй, самый главный вопрос. И на этот раз она не ошиблась:

– За что?

– Львиная лапа, – едва заметно улыбнулся я. – Так называется один ныне вымерший вроде бы цветок...

– Цветок, что рос в высоких горах... Эдельвейс...

– В высоких горах и среди океанских волн, если верить легендам морских племен, – добавил я, и во мне снова всколыхнулся отголосок застарелой и почти уже умершей ненависти. – Не прикидывайтесь. Вы не можете не помнить старую жилую башню, что в дни своего расцвета была окрашена в белоснежный цвет.

– Благородно-белый... – едва слышно произнесла она, и в ее глазах зажглось понимание.

А следом появилась обреченность. Она поняла – не сторговаться. Особенно с тем, кто забрался так далеко и высоко только ради лишь старой полузабытой истории...

– Да, – согласился я. – Все верно. Благородно-белый в переводе с немецкого. Эдельвейс. Поэтому чаще всего тот старый небоскреб называли Белой Башней. Но в поздние времена башня уже не была белой... А когда башню забросило правительство, и там обосновались независимые общины и беженцы, башня еще не раз меняла названия – с каждым новым царьком, что мечтал увековечить свое никчемное имя. Но старое название никто не забывал. Белая Башня... Смешно, да? Я рожден в Белой Башне, а занимаюсь такими делами как отстрел старушек посреди вечной ночи. Может, мне стоило родиться в Темной Башне? Как считаете, благородная леди?

– Ты... ты один из тех, кто выжил... был ребенком?

– Да, – кивнул я, не сводя взгляда с ее начавшего мертветь лица. – Я один из тех, кто выжил после той тотальной зачистки... Вы послали по наши души целый отряд наемников и дали им всего один приказ – убить всех! И они постарались...

– Я... у меня была причина так поступить!

– Да, – снова кивнул я. – Не спорю. Может и была... Ваш любимый сын, единственный, что был зачат и рожден естественным путем, не считая пятерых других, пробирочных... он упал в океан неподалеку от Белой Башни. Был подобран рыбаками-сборщиками...

– А затем был убит! Убит без причины! Потехи ради!

– Ну... мне опять нечего возразить. Вы были в своем праве, – медленно произнес я. – Кровная месть придумана давно. И мало кто в этом мире будет страшнее матери, мстящей за свое убиенное дитя. Пусть дитяте давно за восемьдесят, и он успел прожить длинную полноценную роскошную жизнь... он все еще остается ребенком для своей мамочки, да? Да... Так и есть. Я бы даже понял это... Но вы... вы отдали приказ убить всех до единого. И наемники выполнили приказ. Мы... мы перестали существовать...

– Я имела право! Мой сын!

– У нас тоже были дети... Настоящие дети, а не моложавые старики. И я был одним из тех детей, кто жил впроголодь на верхних этажах старой башни. Прибывшие наемники учинили резню! Спасти удалось очень немногим. Большинство из выживших были дети – мы знали родную небесную башню как пять собственных пальцев. Каждый ее укромный уголок. Каждую щель, куда не протиснуться взрослому. Но в места, куда не могли попасть наемники, легко пролазили стволы их автоматов и огнеметов. Туда удивительно легко залетали осколочные гранаты... Мы пытались дать отпор. Но получилось, откровенно говоря, прямо вот хреново... Я выжил чудом. Выжило еще несколько детей и парочка едва дышащих взрослых. А затем, спустя пять суток после того, как последний наемник покинул горящую башню, за нами прилетел эвакуационный транспорт, посланный одной из тех организаций, что хоть как-то пытались помочь бедноте по всему миру. А затем нас раскидало по всяким приютам и богадельням. Мы стали никому не нужными сиротами. Вы... да в жопу вежливость... ты уничтожила мой мир, старуха. Спустя многие годы я вернулся в обгорелую и заброшенную Белую Башню. И там, взорвав пару плит и вскрыв убежище, что в прошлом сохранило жизнь тощему пацану, я нашел вот этот старый револьвер... Люблю револьверы с тех самых пор, как та сука-наемница получила пулю в смеющийся рот и заляпала мозгами шлем. Один выстрел – и смех как отрезало. Мораль сей истории? Она проста – топча тело дохлого чернокожего старика, не поднимай заляпанное его кровью забрало, чтобы хлебнуть водки из бутылки...

– Я не сожалею!

– Ну еще бы, – хмыкнул я. – Конечно, не сожалеешь. Я вижу это. Ты отомстила и успокоилась. Регулярно отсылаешь целые охапки любимых цветов на могилку сынули – белые огромные колокольчики. Такие же ненастоящие, как и твоя молодость... ты ведьма... старая и почти всемогущая ведьма. Неприкасаемая, недостижимая, повелевающая миллионами жизней и целыми денежными океанами, живущая там, куда не попасть обычным смертным вроде меня.

– Но тебе удалось... как?

– Это было одним из условий сделки, подписанной кровью. – тихо рассмеялся я. – Одно из моих требований – возможность получить голову старой ведьмы, что живет так высоко. Или здесь, в космосе, уже нет понятия высоко и низко? Космическая ведьма в звездном замке... и я добрался до тебя! На это потребовались годы... но я добрался. Я убил многих ради этого момента – и вот я здесь.

– Как? Сюда нет доступа... Никому нет доступа в этот сектор...

– Ты правила почти целой планетой, пока не решила убраться подальше от умирающего мирка. Так ты отдала мир новому игроку, что быстро набрал силу и стал править там, где некогда правила ты. Алоха Кеола, старуха. Алоха Кеола радостно отдала тебя мне после того, что я сделал для нее. Ты просто часть сделки...

– Он? Он бы не посмел... мое влияние... – старуха умирала, и слова едва вылезали из ее перекошенного рта. – Одного моего слова и по сей день достаточно, чтобы начать войну на целом континенте...

– Ну... похоже, ему посрать на твое влияние. – произнес я, поднимая старый револьвер, заряженный новыми пулями. – Прозвучит немного сентиментально, конечно... попробуй не смеяться, ладно? За Белую Башню...

– Я ни о чем не жалею...

– Да мне уже похер, – признался я, нажимая на спусковой крючок и пробивая дыру в высоком чистом лбу ведьмы из звездного замка...

Глава первая

Смерть юной туземки порадовала зрелищностью и удивила нелепостью.

Сначала мы услышали далекий – слишком далекий – рев какого-то зверя. Следом послышался дикий перепуганный бабий визг, и навстречу нам, прорвавшись сквозь колючие сухие заросли в тени вековых деревьев, пробила израненная почти обнаженная фигурка. На бегу обернувшись, она зацепилась волосами за наросты коры, резко рванула головой, освобождаясь и поворачиваясь обратно. Этот маневр на бегу помог ей успешно исполнить первый трюк – наткнуться глазом на длинный растительный шип, растущий из какого-то крупного полосатого плода. На секунду замерев – а шип вошел глубоко – она вдруг очнулась, отдернула голову и с радостью опытного исполнителя показала заключительный номер – в странном дерганном прыжке перелететь изломанный пенёк и головой вперед залететь под колесо внедорожника. Нас слегка качнуло...

– Вы это видели?! – заорал очнувшийся от ступора Хорхе, ударяя по тормозам. – Вы видели, чего эта сука исполнила? Вон ее жопа в цветах! А я... я ведь не...

– Не истери, – буркнул я, вываливаясь из машины.

– Я бы не успел! Даже захоти – не успел бы!

– Встали, – скомандовал я, дублируя приказ жестом.

Хотя особой нужды не было – весь рядовой состав пребывал в том же охреневании, что и бывший советник, замерев и неотрывно глядя на мертвое тело за передним колесом машины. Голову раздавило влет. Дальнее дерево, высокий старый самшит с парочкой ульев, громогласно хохотало взахлеб.

– Тихо, – вздрогнул я, рывком разворачиваясь к темным дебрям. – Все замерли!

Наклонив голову, я прислушался и через секунду убедился, что мне не послышалось – джунгли злобно вопили. Одиноким мужской голос. Явно разъярен. Источник звука быстро усиливался, приближался, причем двигался примерно к тому месту, откуда на нас выскочила перепуганная деваха. Еще через пару секунд мы уже различали выкрикиваемые слова:

– Шлюха! Будешь знать, как давать ему, а не мне! Я первый воин! Я! А ты выбрала его?! Дохлая Сьюга?! Сделала меня посмешищем?! Мерде! Маллолиэнте пута! Пута! Понравилось тебе очнуться в запретных землях?! Обделалась, пута?! Для того и выкрал тебя! Бойся! И это только начало! Я догоню тебя! И поймею! ПОИМЕЮ ТЕБЯ, СУКА! – задохнувшись, голос захрипел и сорвался, заткнувшись ненадолго. Но едва отдышавшись, он снова заорал, на этот раз с нескрываемым злорадством: – Вижу тебя-я-я! Твои следы не скрыть! Я лучший следопыт! Я слышу твоё дыхание, пута! Ты дышишь испуганно! Ты дрожишь!

Покосившись на дохлую девку под колесом внедорожника, я снова перевел взгляд на удивляющие джунгли.

– Я чую твой страх! Давай! Молись, сука! Молись! Я иду! Иду за тобой! И никто! Никто! Ты слышишь?! Никто не спасет тебя! Потому что нет никого круче меня в этих джунглях! Я второй после дракона! Я победитель!

Колючие заросли затрещали под бешеными ударами мачете. Сквозь пролом выскочил исцарапанный широкоплечий парень с мачете и... выгнулся всем телом, чтобы не слишком глубоко погружать ноздри в мой дробовик.

– Победитель? – вопрошающе улыбнулся я, глядя на сереющего на глазах дебила.

– Я... я? Я-я-я-я? – удивленно заблеял ушлепок.

– Дракона хоть раз видел?

– Не-е-е...

– Жаль, – огорченно цыкнул я зубом, убирая дробовик.

– Спасибо, сеньор! – обрадованно заулыбался ушлепок. – Я...

Заткнувшись, он удивленно уставился на свою грудь, где над левым соском вдруг выросло толстое древко дротика. Булькнув, кашлянув кровью, он упал на колени и завалился на бок. Опустив руку, Ссака удовлетворенно ухмыльнулась:

– Я умею метать дротики! Надо же... а до заморозки не умела... хотя целила в яйца...

Далекий рев повторился. Он звучал от руин, до которых оставалось около шести километров. За нашими спинами снова злорадно захохотал самшит.

Черепаший панцирь, это сраный гриб на стальных колесах с муравьями в глазах и жопе, гребаный живой дзот-нытик, экс-друид и трусливый самоубийца с нами не пошел. Передумал... о чем радостно и заявил минут пять назад. Причем заявил с такой детской внезапной радостью, что сначала я заподозрил какой-то сучий подвох, но затем понял – нет, подставы тут нет. У него на самом деле за считанные секунды изменилось настроение – с мрачной плаксивости на солнечное веселье. Насколько я знаю, такое возможно только у психопатов или тех, кто получил укол сильнодействующего средства в вену. А такое опять же вкалывают обычно буйным психам или депрессивной плесени.

Оповестив нас о своем намерении, заливаясь смехом, выдавливая из одного отверстия воняющую укусом мочу, а из другого слова прощания, он отстал и пожелал удачи, тут же добавив, что нас точно сожрут, по любому сожрут, но вы там держитесь. А теперь он наблюдал за нами издалека – с помощью установленной на высоком самшите камеры. Может, вернуться и прострелить ему костяную жопу? Я ведь не слепой и видел гоблинские черепа, зажатые в развилках деревьев. Он вел нас так, чтобы мы не наткнулись на эти украшения, но я приметлив. И заметил, что некоторые черепа выглядят очень свежими. Будто вчера от мяса ободрали...

Долгий недовольный рев заставил рубщиков нервно попятиться назад. Забыв о спятившем друиде в личине муравейника, я сделал шаг вперед и с недоумением улыбнулся:

– Кто-то сказал идти назад?

– Нет, сеньор, – испуганно проблеял Гонсалес и замахал рубщикам, призывая вернуться к работе.

Каппа суровым взглядом помог Хорхе вытащить труп из-под колес, и мы двинулись дальше.

Что интересно, смелей всех выглядели пошедшие с нами бледнокожие сурверы. Они были настолько наркотически обдолбаны пьянящим новым миром, что у них почти напрочь отрезало страх. Они рубили и глазели, рубили и вдыхали ароматы, рубили и мотали головами от избытка чувств. И даже при реве воспетого всеми недоумками округи дракона у сурверов начали нездорово блестеть глаза. Уверен, что сожри он их, и они будут столь же замороженно глядеть на его пищевод, заранее представляя, насколько восхитительно будет выглядеть кишечник... Что это? Говно дракона? Потрясающе!

– Тут говно! – с радостным удивлением заорал дочерна загорелый рубщик. – Гора говна-а-а!

– Вашу мать... вспомни о дерьме – и оно ползет... – пробормотал я, выбираясь обратно. – Каппа... научи не орать дебилов.

– Есть! О...

Ну да... понятно, почему проняло даже истово культивирующего холодную невозмутимую отстраненность мечника. Понятно, почему заорал рубщик, а остальные отвесили челюсти и смотрели... вверх.

– Отмена приказа, – буркнул я, глядя на то, что лежало сразу за прорубленным сквозь лианный полог проходом.

Не гора, но холм. Три метра с небольшим. Цвет черный. Торчащие в разные стороны сломанные кости и дикая вонь явственно говорили, что хозяин говна презирует вегетарианство. А вот пантер и свиней любит. Как основное блюдо. Ну и гоблинов в качестве редкого десертного лакомства. Отведя взор от черепа, забитого черным дерьмом, я приказал:

– Меняем направление. К реке. Напрямую. Каппа, Ссака... по экзам. Тут, похоже, все по-настоящему... такое не подделаешь...

Через пятьдесят метров, когда и без того влажный от испарений воздух стал чуть ли не жидким из-за дохнувшей на нас реки, мы оказались в начале спуска, где обнаружили здоровенный пролом в мелких прибрежных зарослях. Усталая вдавленными в глиняно-каменистую почву стволами сплюснутых молодых деревьев просека вела до самой реки. Ну да... даже драконам надо пить. Вот только пролом странноват... обернувшись, я глянул на два могучих дерева, от которых начинался этот проход, что, несомненно, был буквально продавлен, проломлен сквозь препятствия. Некоторые деревья были вырваны и отброшены. А они весят немало... Поглядев на зависшие в лианах стволы с забитыми землей корнями, я двинулся дальше, следуя за спешащим к реке отрядом.

– Плот! Небольшой! – оповестил идущий впереди Каппа. – Шалаш. Глиняный очаг. Пусто. Какая-то сумка.

– Это того ушлепка, – ответила за меня Ссака. – Который первый воин племени, что украл девку и погнал по бездорожью. Ублюдок! Она ему не дала – а он ее кошмарить начал! Таким надо яйца кислотой выжигать! По капле! И чтобы она капала ему на подбородок – и только затем стекала к яйцам!

– Уняться! – зло рыкнул я, снова останавливаясь и смотря сначала на поваленные, затем на вдавленные в землю, а потом уже на вырванные и выброшенные стволы. Опустив взгляд ниже, задумчиво оглядел островки цветов, привольно растущих на получившей солнечный свет земле.

– Мы у реки!

– Плот, – коротко произнес я. – Запаса батарей не жалеть, упор на быстроту, а не на тишину. Сержант! Плот должен выдержать нас с запасом!

– Выполняем, лид, – доложил мечник и тут же рывком на обессиленно упавших рубщиков: – Жопы вверх! Мачете в лапы! Вырубить все вокруг тех трех деревьев! Пошли! Пошли! Пошли!

– Хотите быть сожранными и высранными? – поддержала его Ссака, тяжело ступая в старом экзоскелете. – Видели те кучи говна?! Эта тварь сожрет ваши тела и высрет ваши кости и души!

– Он темный бог? – спросил в пространство Гонсалес, замахиваясь топором. – Но разве боги срут?

– А вот и критическое мышление, – одобрительно оскалился я.

Присев, сорвал несколько цветов, покрутил их в стальных пальцах и отбросил вместе севшей на цветок басовито гудящей пчелой. Глянув на приступивших к работе, метнулся к ближайшему дереву, оглядел его, шагнул к следующему. Потратив пару минут на изучение деревьев вокруг просеки, вернулся к ее началу – к обнаруженной нами куче говна. Остановившись там, покрутился, огляделся, а затем с размаху воткнул руку в черную склизкую кучу и, вытащив то, что попало, тоже изучил. Страхнув большую часть, побежал обратно к реке. Там, не говоря ни слова, поболтал рукой в мутной теплой воде, не обращая внимания на кинувшихся ко мне зубастых рыбешек, что жадно начали хватать ошметки дерьма, мелкие кости, зубы и клыки. Много клыков. Развернувшись, я отступил, чтобы не получить по голове падающим деревом. Вырвав у одного из хапающих ртом воздух рубщиков топор, шагнул к другому дереву с подходящим стволом. Ударил несильно – чтобы не сломать рукоять.

– Командир... – голос Ссаки прозвучал из внешних динамиков и прозвучал со смешком. Она явно видела состояние гоблинов, что были запредельно впечатлены размерами найденной нами кучи. – Ты...

– Говори.

– Тебя так впечатлила куча дерьма?

– Дерьмо всегда впечатляет.

– Говорят, что о человеке многое можно сказать по тому, чем он срет, – заметила наемница. – Хотя там явно не человек срал... разве что копил всю жизнь... а может, там целое племя постаралось? Устроили общий сральник... вождь присел последним – на вершине. Король горы и все такое...

Я не обрывал ее. Тут она права – слыша уверенную спокойную речь старших, рубщики заметно успокоились, перестали заплешивать и наконец-то начали нормально рубить. Поэтому я поддержал разговор. Отбросив в сторону пару ветвей, зашел с другой стороны, рубанул и только затем сказал:

– Тут нет людей, Ссака. Нигде. Только звери и гоблины.

– Ну да... ты всегда так говоришь. Гоблины, гоблины... то есть мы не люди?

– Нет.

– Почему? В чем разница?

– Потому что человек это тот, кто ходит гордо. Хозяин своих земель, своей судьбы. Он без страха смотрит в небо. А гоблины... это те, кто вечно двигаются перебежками. Всю жизнь – перебежками. Они постоянно испугано озираются, держатся сумрака, открытое небо их пугает, и они предпочитают жить в сумраке – где их не видит грозная системная мать. Так кто мы, Ссака? Гоблины или люди?

– Пожалуй, что гоблины, – после короткой паузы произнесла Ссака. – Пугливые обитатели джунглей. Если система пошлет сюда пару летучих отрядов и один тяжелый транспортник с шагоходами... нам крышка. Но ведь и обычным людям конец от такого настанет... Так в чем разница между нами?

– А разве за настоящими людьми будет охотиться созданная ими же машина? Они хозяева машины. Они включают и выключают ее, когда захотят. И она чистит им ботинки, – ответил я.

– Так это так? Над машиной кто-то есть, лид?

– Не знаю, – проворчал я. – Я все еще не знаю...

– Но если они есть? Люди над машиной... если они есть?

– То что?

– То получается, мы – гоблины – идем против людей? Против тех, кто где-то там шагает гордо и без страха смотрит в ясное синее небо?

– Не знаю, – повторил я. – А если так – проблема?

– Не-а... Не проблема, – уверенно ответила Ссака. – Всегда ненавидела тех, кто считал себя выше меня. Я не про боевые умения, а, скажем, про внешность с сиськами изнеженными, жизнь на небесных островах... Да кому вообще нужны эти сиськи с нежной кожей?

– Ну я бы не отказался потрогать, – признался седенький уже гоблин, опуская мачете. – И чтобы розовые, как персики... мя-я-ягонькие, но упругие... не огромные, но и не мелкие... ну чтобы прямо по руке моей... и вот...

– Руби ветку дальше.

– Да...

– Розовые, как персики, – пробурчала Ссака и, схватившись за комель бревна, начала разворачивать его к реке. – Пф! Стоп... но раз на меня всегда кто-то смотрел свысока... я всю жизнь была гоблином? И раньше мы всегда боялись всех этих чертовых правителей летучих островов и тех, кто правил еще не умершими клочками земли внизу... мы много кого боялись и при этом нанимались к ним, подышали на их заданиях. Я всю жизнь была разменной монетой. Я... гоблин от рождения? Никчемная гоблинша без изнеженных шелковыми рубашками сисек? Так, что ли, командир?

– А ты бы смогла? – спросил я.

– Смогла что?

– Жить в неге и роскоши. Жить без убийств. Без риска. Представься тебе шанс все бросить и улететь жить туда – на летающий остров. Вот тебе долгая, а может, и бесконечная жизнь в раю над облаками. Вот тебе шелковые рубашки, блюдо персиков, золотой унитаз и алмазный член ангела – совмещай все это как хочешь. Смогла бы ты так жить?

– Хм... я даже представить себе это не могу. Койка в казарме и личный шкафчик – предел моих мечтаний. И всегда им был... Ну, может, еще раз в неделю наведаться в бар для наемников, хорошенько надраться там, набить кому-нить рожу, выбрать самого уродливого мужика и свалить с ним на пару часиков потрахаться в ближайшей ночлежке... вот это по мне.

– Ну да... – кивнул я. – Солдату много не надо.

– Но та куча дерьма, которую наложил дракон... она впечатлила тебя, командир?

– Испугало, ты хочешь сказать?

– Ну что ты, командир. Разве какая-то куча дерьма испугает нашего brave лидера?

– Это что-то настоящее, – произнес я. – И это что-то не особо нравится системе. Не нравится ГлобКону. Ты права, Ссака. По дерьму можно многое сказать о высравшем его гоблине. Или о драконе. Там целое поле говна. Кучи и кучи. Многие из них уже сожраны, другие пока закаменели и ждут своих дерьмоедов.

– Поле? – Каппа сразу уловил суть.

– Поле, – кивнул я. – Если убрать растущие там деревья и буквально чуток подправить эти горы дерьма, мы получим несколько идеально ровных линий. Я бы сказал, там что-то вроде квадрата. Все это окружено нетронутыми джунглями, что закрывают все это дело, маскируя так же, как стены закрывают отхожую яму. Короче – это сортир на границе с самшитовой рощей. Та свежая куча дерьма, в которую мы едва не ткнулись рылами, наложена рядом с другими, уже старыми. О чем все это говорит?

– Не срет где попало? – предположил Гонсалес.

– Он разумен, – произнес Хорхе, замерев у двери внедорожника. – Эта тварь разумна. Она проходит в свой туалет одним и тем же путем, чтобы не ломать растущие вокруг джунгли. Срет там, где не так воняет и соседние кучи уже подсохли – чтобы не испачкаться.

– Но кое-где соседние кучи задеты, – добавил я.

– А если испачкается – идет ближайшим путем к реке и моет лапы... и жопу.

– Верно, – кивнул я. – При этом шагает так, чтобы не наступить на вон те желто-синие цветы. А остальные давит без жалости. Это что-то реально тяжелое, но я не увидел достаточно четких следов, чтобы понять – кто это? Следы вдавленные, удлиненные, вроде как и когти есть. Еще я не могу понять насчет общих очертаний тела этой твари – размыто как-то все представляется, если судить по ширине прохода, длине шагов, высоте нетронутых веток над этой просекой – вряд ли он постоянно наклоняется под ними, давно бы сломал, мешай они ему. Раз деревья с такой легкостью вырвал и отшвырнул, сломать даже самые толстые ветки – ему что прутик переломить.

– Но он разумен, – не мог успокоиться Гонсалес. – Он что-то вроде недавно встреченного нами ужасного хранителя садов дьявола? Он выглядел как тот, кто вполне может держать при себе ключ к адским вратам...

– Ты про стукача на колесах? – буркнул я.

– Стукача? – стоящий по пояс в воде мечник развернулся ко мне, одновременно награждая ударом кулака слишком надоедливого крокодила.

– Скорей всего, – подтвердил я. – Знаю такой тип вечно всем недовольных ушлепков, что обсирают начальство в разговоре с тобой, а затем первыми тут же ему звонят и рассказывают обо всем услышанном и увиденном. Это что-то вроде извращенной преданности, замешанной на трусливой ненависти. Он наверняка уже связался с системой и оповестил о тех, кого и куда провел сквозь рощу.

– Нам надо поторопиться.

– Ага. Надо. Но не из-за системы. От нее мы скрыться всегда сможем. А вот дракон...

– Достойный противник, – проскрежетал мечник.

– Странный противник, – хмыкнул я, заканчивая со вторым деревом и отходя в сторону. – Там на коре, по обе стороны пролома, какие-то странные царапины, причем глубокие. Почти на каждом дереве. Многие уже заплыли смолой – оставлены давно. Другие свежие.

– Какие следы?

– Вон, – я указал на длинную ветку, что нависала над самой водой.

Ветка толщиной в ногу. Старая, покрытая светлой морщинистой корой. А на коре десятки частых порезов. Будто-то кто-то ножом часто-часто колотил, пытаясь нашинковать ветвь как морковку, но делал это с недостаточной силой и очень неуверенно.

– Но это еще хрен с ним, – повернувшись, я указал рукой в другую сторону. – Кто мне пояснит насчет жопы крокодила?

Метрах в пятнадцати от нас, среди склоненных ветвей кустарника, лежал здоровенный хвостатый кусок мяса. В буквальном смысле слова там на мелководе подергивалась жопа крокодила, отрубленная очень чисто. Я бы так смог – в экзе. Не знаю, сумел бы Каппа перерубить своим мечом крокодила так чисто – в живую силу, без помощи сервоприводов боевого экзоскелета. Хотя мы усилены химией, удар поставлен... Но крокодил большой. А жопа подергивается из-за жрущих ее рыбешек. Вода аж бурлит...

– Реально жопа крокодила... – заметила Ссака.

– Я не увидел, – с нескрываемой горечью произнес Каппа.

– Но в сраку жопу, – проворчал я. – Я же сказал – системе не нравится засевающий здесь ушлепок. Не то чтобы сильно, но он явно ее раздражает, хотя пока из себя железяку еще не вывел.

– Почему?

– Потому что посмотрел я те кучи дерьма... в них полно костей и черепов тех, кого здешние называют дивинусами. Измененные звери. Как мелкие, так и крупные. Там же полно черепов обычных хищников – тех же пантер. Но обычное зверье сюда явно на инстинктах забредает – территорию застолбить, хавку найти. А вот измененные сюда лезут по приказу ГлобКона. А он их жрет... А то, что не может сожрать, он притаскивает в свой сортир и использует как подставки для лап...

– Что он не может сожрать, сеньор? – седенький мужичонка, мечтатель о сиськах-персиках, подступил поближе.

– Я увидел там несколько разбитых шагоходов, – буднично ответил я, берясь за моток троса. – Он их бросил как кирпичи под ноги – чтобы сидеть на них и тужиться, высирая пилотов. Хотя один остался внутри – видно, лень было дракону орешек из скорлупы выковыриваться. Так и лежит шагоход засранным кокпитом кверху, а дохлый пилот смотрит на жопу дракона.

– Только не так, – выдохнула Ссака, и ее экз медленно закрутился. – Только не такая могила!

– И здесь снова непонятки, – продолжил я, заходя в воду и начиная обматывать тросом одно из бревен. – Судя по следам и весу... эта тварь не может быть быстрой. Это что-то слоноподобное, увалистое. Что-то такое, что сидя в своем сортире, даже равновесие удержать не может и цепляет соседние кучи дерьма – а затем вперевалку идет отмываться. Как такая медленная тварь могла поймать пантеру? Пантера не дура, сама не нападет на подобного противника. И пантера очень осторожна, к ней подкрасться почти невозможно...

– А ты как думаешь, лид?

– Я? Я думаю просто – чтобы через пять минут плот был готов, а еще через десять мы отчаливаем. А я пока огляжусь...

Оставив отряд, я вышел из воды, вернулся к просеке и там, в пару движений забравшись на одно из деревьев, затих в сумраке густой лиственной кроны. Через пару минут издали – успокаивающе издали – раздался долгий недовольный рев. Но я не повелся и успокаиваться не стал. Слишком тут много мелких несоответствий. Некоторые зацепки, что занозами засели в моем мозгу, я даже озвучивать не стал – настолько они мелкие и непонятные. Но эти занозы продолжали покалывать меня, не давая расслабиться.

Этот дракон – настоящий.

Дракон...

Активировав передатчик, что помимо экзов звучал и в машине, я спросил в пространство:

– А что такое дракон, гоблины?

– Э-э... Мутировавшая после ядерных взрывов ящерица!

– Дальше...

– Та тварь, что любит жрать гоблинов, лид? – со смешком предположила Ссака.

– Отставить, Ссака. По существу вопроса давай.

– Есть. Дракон... что-то большое и мифическое!

– Что приходит на ум при этом слове?

– Пасть, крылья и хвост!

– Крылья, – задумчиво произнес я, снова бросая взгляд в небо. – Ну это же бред...

– Бред, – согласился Каппа. – Но я тоже представляю себе дракона именно так, командир.

Пасть, огонь, крылья и хвост.

– А еще когтистые лапы и страсть к золоту, сеньор! – добавил из машины Хорхе. – Тут мне подсказывает тот любитель сисек, что драконы любят девственниц! Ссака, слушай, а ты случайно не...

– Пошел нахер!

– Принято...

– Дракон, – повторил я, медленно сканируя окружающую нас местность, подсознательно ища что-то реально крупное, горячее, а может, даже раскаленное. Я искал гору живого мяса, способную навалить трехметровую кучу дерьма.

– Короче! Дракон – это ящерица! Огромная ящерица! С чешуей!

– Откуда знаешь?

– Читал в старой бумажной книге! Там рыцари убивали драконов и сношались!

– Рыцари с рыцарями?

– Вроде да... а может, с прекрасными девами... Там вроде была одна. Так она одному рыцарю еще платочек швырнула свой. Типа – утри сопли, гнида слезливая. А он такой...

– Про дракона!

– Ну да... убили его, лид! Но жил он в огромной пещере – там его и мочканули, сеньор. Засадили отравленную пику ему прямо в...

– Плот почти готов, лид!

– Хорошо.

– Засадили, а дракон голову такой поворачивает и говорит этим потихушным пикососам – ах вы подлые сучьи твари, куда ж вы мне пику засадили...

– Так в книге было?!

– Ну да. Там еще на обложке восемнадцать с плюсом стояло – то есть можно читать и тем, кто старше восемнадцати, а не только для мелочи пузатой. Я и вчитался... Скажу я вам, парни – ну и детки же раньше были, если такое на ночь читали... Я там в паре мест едва не обделался. Они ведь потом ту пику шатать начали, а дракон...

– Грузимся! – скомандовал я, вернувшись на берег.

Обернувшись, я еще раз оглядел полукругом сомкнувшиеся вокруг нас джунгли.

Что-то не так...

Я ничего не вижу. Ничего не слышу. Но я прямо жопой чувую, что тут что-то очень и очень сильно не так. А еще я чувую, что прямо сейчас за мной наблюдают. Или паранойя окончательно разыгралась? Такое же ощущение у меня было там – внутри горы Олимп, в мире-опухоли, на Украине Мира, где я встретился с внешне дружелюбным лидером бригады Солнечное Пламя.

– Уходим! – рыкнул я, окончательно прерывая рассказчика книги. – Живо, гоблины! Живо!

Каппа и Ссака помогли зашвырнуть обессиленных рабочих на солидный плот, что без проблем принял на себя вес внедорожника. Хорхе не подвел – не только мгновенно завел машину на плот, но и тут же снова раскрыл солнечные панели и перекинул провода на пустые аккумуляторы. Бывший советник хорошо проникся своей новой работой. Специалист Хорхе...

Последним на плоту оказался я, заодно прихватив с собой толстенный пень и вылезшего на него здоровенного желтого удава.

– Отчаливаем!

В дно уткнулись согнувшиеся шесты, и мы медленно отошли. Не сводя глаз с джунглей, я выпрямил руку с опутавшим меня удавом.

– Каппа.

Свистнул тесак, в мутную речную воду ударила струя крови, туда же отлетела отрубленная голова.

– Хорхе...

– Я понял, команданте. Я приготовлю рагу...

– Пожарь, – велел я, опускаясь на колено рядом с внедорожником и отрубая питание экза – Просто пожарь. С солью. И дай мне.

– Со стопкой мескаля?

– Если осталось.

– Для тебя всегда найду, лид, – широко усмехнулся Хорхе, выбираясь из багажника с длинным ножом и металлическим блюдом. – Этого мяса на всех хватит. Или экзотику сеньор кушает в гордом од...

– Жрем вместе. Воюем вместе. Подышаем вместе.

– И пьем вместе! – добавила «вскрывшаяся» Ссака. – Мне бы тоже пососать из соски энергии...

– Я могу дать свою... – ожил тот седенький мужичок, что только что не сводил голодных глаз с мертвого удава. Опомнившись, он испуганно втянул голову в плечи. – Ой... я это... с женой тебя спутал своей...

– Меня с твоей женой?

Похоже, последняя его фраза оскорбила Ссаку гораздо больше, чем первая.

– Ссака, ты первая в дозоре, – велел я. – Каппа второй. С собой берете по гоблину. Заодно натаскиваете – куда смотреть, как долго смотреть, почему нельзя мерно крутить башкой и чем важен рваный непредсказуемый ритм у наблюдателя. Четверо самых бодрых остаются на шестах. Остальные – жрать и спать. Тот кто посчитает себя бодрым и будет работать – получит от меня дробовик и десяток патронов. Всех касается. Но если возьмется и не справится – вобью дробовик в задницу. Рассчитывайте свои силы трезво, гоблины.

– Ага...

– Мы услышали и поняли, о вождь.

– Да, лидер!

– Понятно, смотрящий!

– Слова смотрящего услышаны.

– Смотрящий, – вздохнул я, покосившись на красных от загара сурверов. А ведь мы по джунглям перли. – Намажьтесь чем-нибудь и прикройтесь. Иначе сдохнете от ожогов и токсикоза.

– Нам уже хреново! – радостно и пьяно улыбнулся молодой совсем парень. – Свобода-а-а...

– Принято, – доложила Саака.

– Принято, – кивнул и мечник. – Мы отступили, лид?

– Пообщаемся со здешними, – ответил я. – Здесь стоп! Шесты в дно. Якорь туда же.

Вывороченный из берега карстовый дырявый обломок ухнул в воду, утаскивая за собой тонкий трос. Когда трос натянулся и нас начало разворачивать по течению, я впервые отвел глаза от того берега и взглянул на стоящего рядом Каппу:

– Как думаешь – они вниз или вверх по течению?

– Речное племя?

– Да. Тот ушлепок не рискнул бы уйти от родного племени слишком далеко. Его вела обиженная детская ярость, но все же...

– Он похитил девчонку. Бросил на плот. Скорей всего, сделал это днем.

– Верно, – кивнул я. – Ночью молодая баба лежала бы с мужем. Еще не надоели друг другу.

– Да. Я думаю, он украл ее не с плотов племени...

– Согласен, – опять кивнул я. – Пропажу хватились бы быстро. Затем проверить списки, выяснить, кого еще не хватает – и сразу понятно, кто жертва, а кто насильник и убийца. По возвращению...

– Поэтому лучше украсть бабу с берега. Они ведь выходят на берег – собирать ягоды, охотиться, опять же нужны стройматериалы. Те же лианы – вряд ли они используют тросы. Листья для крыши...

– Они живут джунглями. У каждого члена племени свои обязанности.

– Он наверняка договорился с кем-нибудь из своих дружков, чтобы они прикрыли его и обеспечили алиби. А то, что пропала молодая дура... сожрал ее кто-нибудь в джунглях.

– Вниз или вверх по течению, Каппа?

– Он бы предпочел спуститься.

– Значит, нам навстречу, – поморщился я. – Обеспечь движение.

– Да, лид.

– Но без спешки, – добавил я. – Надо набраться сил и надо подзарядиться.

– Принято.

– Лид!

– Да?

Подсевшая Саака показала мне пяток странных шуток, больше всего напоминающих алюминиевые монеты со странными черными бороздами, складывающимися в какой-то узор.

– Что это?

– Из трофейного экза. Внутри был тайник, и я наткнулась. Спросила у сурверов, и они сказали, что это почти бессмертные хранилища данных. Ну как данных – обычная аудиозапись. В моем экзе есть проигрыватель для них... выглядит стильной штукой.

– И?

– Послушаем, что покойник говорит? Ты ведь его утопил... а я потом дохлая выковыривала...

– Нахрена его слушать?

– А может это и не он говорит? Вдруг там какое-нибудь откровение... А мне одной слушать влом... может, вместе и под мескаль?

– Откровение, – пробормотал я, с тоской глядя на внедорожник, где хранилась целая куча сурверских хардов с данными. – Давай... послушаем...

– Врубаю!

– У нас и сурверский напиток имеется, – сдержанно оповестил меня Хорхе. – Их фирменный. Я прихватил двадцать бутылок из резерва зрителя Норма.

– И что за напиток?

– Водка!

– Удивил прямо...

– Русская! Мне так Норм сказал.

– Вот теперь точно удивил... в этом мире остались нации?

– Нации кончились, а водка осталась! Россогор называется! Сурверы сохранили рецепт.

– Водка! – закивал один из сурверов, тыча в меня оттопыренным большим пальцем. –

Водка – это круто! Россогор – качество!

– Название водки?

– Россогор? – уточнил тот же сурвер и покачал головой. – Нет, сурвер Оди. Ой... лидер Оди. Нет. Россогор... для нас как Хуракан! Не будь Россогора – не было бы и нашего убежища. Так гласят легенды. Мы почитаем Россогор. И среди нас есть предки Россогора!

– Что это такое? Звучит знакомо...

– Корпорация! Большая корпорация! Могучая! Богатая!

– Потом расскажешь, – кивнул я, оставляя попытки вспомнить.

– Да, лидер. Расскажу с радостью. Хотя мне далеко до Амадея, что знал все нам известное о Россогоре...

– Расскажешь потом.

– Да.

– Так я врубаю? – не выдержала Ссака и первой опрокинула стопку. – Уф! Мескаль тоже хорош!

– Мне водки, – решил я. – Врубай.

Покопавшись внутри своего экза, не преминув показать всем собравшимся парням всю красоту своей задницы, туго обтянутой мокрыми от пота штанами, щелкнув чем-то, она выпрямилась и потянулась за бутылкой. А из экза послышался отчетливый мужской голос:

– Эту монету памяти тоже решил потратить на себя и свои умные мысли! Итак! Мудрые откровения Даттона – бессмертного и крутого пилота экза модели Гражданский Патриот! Поступь моя тяжела! А ум остр!

– О дерьмо, – вздохнул говорливый сурвер. – А можно и мне водки?

Я кивнул и продолжил слушать откровения бессмертного Даттона:

– Поговорим о нашей сути – людской сучьей сути! И об эволюции! Ты знаешь, что такое эволюция, дорогой слушатель, чтоб ты сдох? Я отвечу за тебя... Эволюция – это не просто выживание. Нет. Это процесс, когда неблагоприятные обстоятельства становятся благоприятными. Звучит скучно? Может и так – я ведь не сраный умник! И ваших школ не кончал! Но факт есть факт, и против факта не попрешь! Каждый биологический вид стремится стать более приспособленным к окружающей среде. Для чего? Чтобы было хотя бы чуточку легче жить! Для чего нам жизнь полегче? Да потому что, когда жить слишком тяжело – нет времени и сил потрахаться, а без потрахушек не продолжишь собственный род... Верно? Верно! И каков итог? В чем заключается итог? А в том, что нам, людям, всегда мало потрахушек! Нам бы трахаться и трахаться, плодиться и плодиться! Вот только сил опять не хватает – почти все тратится на выживание! А когда выживание сменилось работой... все стало еще хуже. Но мы не отчаялись! Мы хитрые обезьяны, что очень любят сладкий секс! Эволюция идет слишком медленно? Плевать! Мы можем изобретать! И мы стали эволюционировать технически! Да! Мы изобрели хренову тучу штук, что сделали наши жизни в разы легче! Высвободили кучу вре-

мени! Можно смело трахаться с утра до вечера! Правда мир почему-то превратился в радио-активное пепелище из-за наших изобретений... но мы и на пепелище трахаться можем! Мы такие! Мы продвинутые! Да... да... в чем мораль, ты спрашиваешь, дорогой слушатель? А мораль в том, что нехер, сука, думать только о трахе! О желтых птичках подумай! О черепашках! О! Когда я сказал «о желтых птичках» – у тебя тоже зашевелилось в штанах, сладенький ты мой негодяй? Да – я тоже обезьяна... Но еще я думаю о мире! И о желтых птичках...

– Вырубай, – велел я.

– Да, – согласилась наемница, опять склоняясь над экзом. – Да... да... следующую рубать? Вдруг там кто-нибудь еще будет...

– Давай.

На этот раз после щелчка из экса зазвучала приятная мелодия. Кто-то чем-то там пиликал и получалось неплохо. Ссака, прихватив еще стопку, взобралась на крышу внедорожника, где уже сидел выбранный ею зоркий гоблин.

Так мы и продолжили свой медленный путь почти посередине медленной ленивой реки Рио Рохо. Рубрики на корме спрятались под наспех натянутым тентом. Там же Хорхе – раздывает удава, а один из сурверов колдует над дымящимся пнем. Дозорные на крыше, мимо проплывают шумные джунгли, в реке мелькают кожистые и бугристые тела, плещет рыба и тоскливо звучит неспешная мелодия.

Глава вторая

– И я снова в эфире, сурверы! Смело жгу еще одну монету памяти под себя! Мудрые откровения Даттона – бессмертного и крутого пилота экза модели Гражданский Патриот! Поступь моя тяжела! А ум остер! Поговорим о бабах, сурверы? Но о бабах настоящих – простых, незамудренных, в мужские суровые дела не лезущих, но зато удовлетворенных. Вы таких знаете? Нет? И я нет! А почему? Потому что трахаем мы наших баб мало! Не удовлетворяем мы их! Не насыщаем! И оттого они, свои тарактелки включив, лезут в каждую дырку, по каждому поводу свое мнение имея... Плохо мы с бабами обращаемся, сурверы! Они ведь нам раньше не ровня были – и местом своим у ног наших они довольствовались! А теперь ты погляди только – бабы уже на позиции зрителей лезут! Со мной в охранке бок о бок служат! А ведь их дело простое – детей нам рожать, супы наваристые готовить, дома убираться и побольше молчать. Мне на днях одна говорит – давай я твоим сменщиком по экзу стану! Каково?! Сказанула так сказанула. Я обижать дурную не стал, конечно. Усмехнулся только сурово – ну сами знаете, как я умею на место одним взглядом мужицким поставить любую возомнившую. А эта возомнила! Нет, сурверы, вы как хотите, а баб трахать надо! А у нас в Хуракане бабопотребление пониженное! Больше! Больше баб потреблять надо! Помните наказ Даттона, сурверы – бабопотребление должно расти! Иначе дождемся беды похлеще демократии!

– Вот урод, – с каким-то даже уважением хмыкнула Ссака, вытаскивая из нутра своего экза отговорившую свое монету памяти и после короткой задумчивой паузы швыряя ее в мутную воду Рио-Гранде. – В задницу твою мудрость, Даттон!

– Эта информация потеряна навсегда, – заметил Хорхе, протягивая мне тарелку с горячим неизменным рагу. – Не нужно тебе – отдай мне.

– А пасть не завалишь, повар?

– А нахер не пойдешь, новенькая? Если бы не командир – драли бы тебя сейчас плуксы в задницу! И так – годы напролет! Так что крутую из себя не строй!

– Да ты никак зубы отрастил?

– А тебя, похоже, давненько не трахали, раз такая говорливая?

– Я тебя...

– Уняться всем, – лениво буркнул я, с легким одобрением глядя на разошедшегося Хорхе. – Врубай следующую монету, Ссака.

– Ощущение, будто завожу музыкальный автомат – хрен его знает какая песня выскочит следующей. Ты видел хоть раз эти автоматы, что стояли раньше в каждом баре? Стилизованные под середину двадцатого века. Пихаешь в него монету, бьешь кулаком по кнопке «случайно» и лотерея пошла – либо заиграет музыка, либо выскочит из двери какой-нибудь хрен с кастетом.

– Запись.

– Врубаю.

– Даттон здесь! – проскрежетал проигрыватель «монет». – Я снова в эфире! Интересно, разрешат ли мне проиграть пару своих записей в Проповеди Экспульсо... было бы неплохо. Недавно у меня что-то сильно кололо в правом боку, и решил я навестить гадалку. Подставил ей небритую жопу, она мне там все хорошенько осмотрела, потыкала пальцем и успокоила – ничего страшного, жить буду. И предостерегла от самой главной моей беды – не доверять чертовым бабам! Не верить ни единого их слову! Передал я слова гадалки доверенным камрадам во время последней попойки в баре Старого Дриста... а они чего-то ржать начали, спрашивают, верю ли я гаданию. Может, я не улавливаю чего? Но все знают, что Культу можно верить! Их запас сушеного экса велик! Зловонные духи предков шепчут им на ухо! И только они по морщинам в жопе могут так точно предсказать судьбу любого сурвера. Я не пожалел

пяти динарио – и как по мне, сделка хороша! Итог понятен! Главное – верить предсказанию гадалки и не верить словам баб! Я понял свой курс и последую им! Проклятье... что-то опять заедает левый коленный сустав моего Патриота... не пришлось бы лезть в воду там, во внешней ауре... Почему-то вода пугает меня последнее время... может, снова навестить гадалку и спросить, почему я задыхаюсь по ночам? С вами был Даттон! Отбой связи, сурверы! Главное – не верьте бабам!

– Он реальный конченный тупой ублюдок, – с легким восхищением произнесла Ссака. – Следующую запись, лид? Они прямо заходят мне...

– Врубай, – согласился я, опуская на бревно опустевшую миску и берясь за приклад лежащего на коленях дробовика. – Гоблины! Прижать жопы к бревнам! Каппа! Продолжайте с той же скоростью.

– Да, лид.

Выше по течению показалось то, что вполне можно было бы назвать деревянной крепостью. В основании покоится множество солидных бревен вперемешку с сетками, набитыми пластиковыми шарами, там же покачиваются огромные понтоны. И все это держит на себе трехметровые дощатые стены. Дальше начинается куполообразная крыша, созданные из умело переплетенных бамбуковых стволов, охапок соломы и листьев. С двух сторон имеется что-то вроде причалов, там пришвартованы мелкие плотики и немало узкие лодок с загнутыми носами.

Колья... двойной частокол деревянных кольев окружает эту плавучую хреновину со всех сторон, причем это даже не частокол, а боевое заграждение вроде противотанковых ежей. С левой стороны часть толстенных кольев обломана, на уцелевших видна кровь. У этого пролома суетятся загорелые гоблины, что из всех сил тянут за уходящие в воду толстые веревки. Вот они дружно подались назад, над рекой пронесся их хриплый крик и... в водной толще мелькнула огромная туша с лоснящейся серой кожей.

– Гиппо, – произнес я, с нескрываемым изумлением глядя на размеры этого зверя. – Верно?

– Гиппопотамо, – подтвердил Хорхе. – Дивинус, сеньор. Это точно дивинус...

– Он весит под шесть тонн, наверное. – присвистнула Ссака.

– Они убили божественного зверя? – прошептал кто-то из гоблинов ВестПик. – Надо помолиться... Сеньор... разрешите упасть на колени и взмолиться с плачем?

– В жопу себе поплачь, – буркнул я, поднимаясь. – Ссака, повремени с записями бравого вояки Даттона. Нас заметили...

– Путники! – на краю ближайшего к нам пирса появился тощий старик. – Мы рады вам! Добро пожаловать! Опустите оружие – в нем нет нужды! Мы мирный народ и чтим Мать и ее заветы!

Почему они всегда посылают вперед стариков? Типа мудростью своей должны покорить пришлых еще на расстоянии? Или подкупить своей ласковой беззубой улыбкой?

– Мы причаливаем! – рявкнул я.

– Племя всегда радо гостям! Мы мирный народ и чтим заветы предков. Вас будет ждать сытный ужин среди друзей и долгая ночь в безопасности! Добро пожаловать к людям большой воды, странники, добро пожаловать в племя Рио Рохо! Добро пожаловать в дом племени Аквас Транкилас!

Белозубо скалясь в ответ, Ссака прошептала:

– Будут ли они так рады нам, узнав, что случилось с той девкой и тем парнем?

– Даттон, – напомнил я, снова усаживаясь.

– Ах да...

– Даттон туточки! Сегодня великий день, сурверы! Сегодня я собственными зенками увидел засушенное и сбереженное желтушное экспульсо моего прапрадедушки Доттона! Это зре-

лице стоило уплаченной десятки! Только представьте – сто лет назад он, подыхая от боли, срал в последний раз на пластиковый поддончик, передавая свою мудрость Культу. Он был одним из первых, кто истинно уверовал! Мне подарили крохотный комочек его фекалий. Сегодня воскурю его вместе с какой-нибудь симпотной девкой! Может, еще курнуть тасманки? Говорят, от этого видения становятся ярче, а предки говорят громче... Пусть это запретная дурь, но правила для того и созданы, чтобы их обходить... Но я бы отдал всю свою заначку, а вместе с ней и экспульсо прапрадеда в обмен на право пощупать реально загорелую упругую жопу... Бабы жопу, конечно! Вы не подумайте там чего!..

К нам прилетела пара причальных канатов, в бревна уперлись тут же согнувшиеся от натуги шесты, и мы медленно ткнулись в причал плавучей крепости племени Аквас Транкилас. От десятка широких улыбок я аж отшатнулся и с удвоенным подозрением прошелся взглядом по чересчур улыбчивым физиономиям речных гоблинов. Те ничуть не смутились, растянув будто резиновые губы еще сильнее. Первым выпрыгнув на причал, я сделал шаг и... замер, с крайней задумчивостью глядя на длинные ряды светильников, тянувшихся по периметру круглой крыши. Если их врубить разом, то пространство вокруг крепости зальет ярким светом. Одна проблема – светильников было слишком много. К тому же мое внимание к себе приковало что-то вроде тростниковой хижины со слишком уж тщательно защищенной пластиковыми листами крыши. Я сдвинулся чуть в сторону и в щелях тростниковой занавеси увидел знакомое мерцание витрин торгматов. Там минимум два таких устройства. Опустившись на колено, чем изрядно удивил смуглых гоблинов, я вгляделся в воду ниже по течению и не сразу, но все же разглядел теперь уже ожидаемое.

– Что такое, лид? – хрипло поинтересовался явно уставший, но решивший этого не показывать Каппа.

– У них море ламп, пара торгматов как минимум, а под деревянной жопой этой крепости работают мощные движки, – произнес я.

– Вон якорная цепь.

– Плюс якоря, – кивнул я. – А движками подрабатывают, чтобы снизить нагрузку на цепи. Ведь так, дедуля? У вас есть движки?

– Конечно, есть! – обрадовался тот вопросу. – Мать любит нас! Всегда любила! Двигателям уже двести лет, а все работают без единой поломки! Мы пользуемся их могучей силой с благодарностью, ежедневно молясь о их сохранности – и пока что наши мольбы достигают ушей всемогущей Матушки.

– Двести лет без единой поломки? – уточнил я. – Прямо вот, сука, как часики два века отработали, да?

– Вижу, ты злой человек...

– Злой, – кивнул я. – Так что там с движками?

– Я лишь скромный рыболов и речной трудяга, амиго. Тебе следует поговорить с нашими старшими. Про двигатели же... могу сказать, что на моей памяти они лишь однажды затихли. Нас начало сносить вниз, тягалы не справлялись...

– Тягалы?

– Сильные воины с канатами – мы помогаем божественным двигателям поднимать нас вверх по течению, когда река сужается и становится слишком быстрой.

– И движки сломались...

– Наши молитвы достигли Матери, когда мы возопили к ней! И двигатели ожили!

– Ожили?

– Ожили! – гордо заявил старик и, подпрыгнув, дал себе двойной шлепок по ягодицам. –

Ух мы обрадовались!

– Не выпил ли ты, старый?

– Нажевался белой коки всласть! Дать?

– Где вы берете энергию? Для всех ламп, для двигателей...

– Нетленное сердце вечно стучит под капотом, – вдруг выдал старик и, закашлявшись, махнул рукой и куда-то заспешил, сильно при этом скособочившись. Обернувшись столь же внезапно, он с вернувшейся улыбкой, стуча при этом себя изо всех сил кулаком по груди, пояснил: – Легочные черви требуют дурманного дыма, чтобы уснуть. Но я вернусь!

– Ну да...

– Наши старшие внутри. Заходите, гости! Младшие проведут вас.

– Мы не любим такое оружие, – тихо заметил подошедший ко мне плечистый малый, умудрившись одним взглядом указать сразу на весь свисающий с меня огнестрел.

– Да что ты, – поразился я. – А че так? Потому что железные палки громко бухают?

– Э-э-э... мы не дикари, амиго, – улыбка «не дикаря» стала чуть натужной. – И мне лично знаком принцип действия огнестрельного оружия.

– А по тебе не скажешь, – признался я, критически оглядывая его.

Мышцы, мышцы, шорты, мышцы и горделивый ирокез.

– И мы не любим грубости. Мы доброе племя Тихой Воды. Мы не терпим насилия.

– Ложь, – усмехнулся я, резко останавливаясь.

Речник едва не ткнулся мне носом в плечо и изумленно заозирался, поняв, что, несмотря на попытку забрать у нас оружие еще на пирсе, мы уже стояли рядом с хижиной, скрывающей в себе торгматы.

– Ложь, – повторил я. – В вашем сраном племени полным-полно зависти, здесь обитают гребаные насильники и убийцы.

– Это не так! Мы молимся Матери!

– Да поспать, кому вы там молитесь. Слова – всего лишь слова, а действия определяют! Вон на том берегу мы видели убегающую перепуганную девку. Она так спешила убратся от вашего собрата, что сперва налетела глазом на древесный шип, а затем влетела башкой под колесо моего внедорожника! Если остались на шинах ее мозги – иди и выковыривай! Не знаю, как там ее имя, но как кричал ее преследователь – она сделала ошибку, когда выбрала дохляка Сьюга. Он украл девчонку, отвез подальше на плоту и устроил себе веселую охоту с загоном дичи. А в конце охоты радостный финал – оттрахать жертву во все дыры, а затем отрубить ей башку. Вот оно, ваше славное племя Спокойной Воды, что не любит огнестрел и молится ржавой железяке.

– Святые духи, – с явной обеспокоенностью пробормотал низенький толстенький дедушка в разноцветной коротковатой циновке на плечах. – Они оба исчезли... мы думали, ее унесло течение, а он бросился искать...

– Ну да, – повторил я свою усмешку и ткнул пальцем в тростниковую занавеску: – Торгматы работают со всеми?

– Со всеми, к кому благоволит Мать, – кивнул старик. – Скажи мне, незнакомец, где мы можем отыскать тела наших соплеменников...

– Их поглотили джунгли, – мотнул я головой в сторону ярко-зеленой стены, тянущейся вдоль берега. – А рядом бродит дракон. Рискнете отправиться поискать?

– Пусть их тела поглотили грязь и желудки зверей, их души уже пребывают с нашими предками.

– Так я и думал. Ты вождь?

– Я скромный советник.

– Вождь, – кивнул я. – Я Оди.

– Моя имя Мигель. Прошу отдохнуть в тени наших гостевых покоев, воин Оди. И добро пожаловать в племя.

Еще раз глянув на вход в хижину, я поманил к себе Хорхе, а затем уставился на уходящий в воду наклонный дощатый настил, что со стоном принимал на себя медленно втягиваемую серо-розовую тушу.

– Сначала поглядим на вашу добычу.

– С оружием во внутренние покои нельзя, странник, – добродушно улыбнулся старик, но в его глазах предостерегающе мелькнули опасные искры. – Прошу понять правильно, идальго – я одобряю твою осторожность. Этот мир не то место, где можно доверять незнакомцам. Но и ты пойми – если мы нарушим наши же правила и законы из-за несговорчивых чужестранцев... что наши дети скажут о своих отцах? Станут ли они потом выполнять эти законы сами, если их попирают все кому не лень? Станут ли люди уважать меня, старого советника, что так легко позволил пришлому нарушить наши священные законы? И в следующий раз, когда я скажу повернуть налево, чтобы обойти опасную песчаную отмель... послушают ли они меня? Я прошу тебя проявить уважение.

Всмотревшись в лицо Мигеля, я медленно кивнул, а затем отрицательно покачал головой:

– Мне плевать на ваши законы. И я не сдам вам оружие. Не отдам ни одного ствола. Но я не хочу устраивать здесь бойню. Поэтому мы останемся на нашем плоту. Так сойдет, советник Мигель? Считаю, что мы остаемся на нейтральной территории – ведь река вам не принадлежит, так?

– Это более чем достойный договор, – кивнул старик. – Спасибо за проявленное уважение, амиго. Мы принесем угощение сюда.

– И принеси заодно на показ ту пушку и те боеприпасы, которыми вы сделали вон те дыры в жопе гиппо. – произнес я.

– Дон Мигель еще не закончил говорить с тобой! – зло произнес остававшийся рядом парень и ткнул меня ладонью в плечо.

Ткнул и с изумленным вскриком отлетел, когда я снес его со своего пути. Он упал в воду, тут же извернувшись и змеиным ловким движением выскочив на пирс. Утер с лица воду и замер, когда старый Мигель с добродушным смешком проворчал:

– Уймись, Феликс. Этот идальго тебе не по зубам. Научись уже понимать, к кому можно соваться... а кого лучше обойти стороной. Это про него и его отряд ходят слухи по всей Рио Рохо. Чужак, что явился ниоткуда. Чужак, что убивает с той же легкостью, с какой ты почесываешь сраку по утру. Уймись, Феликс. И отыщи Сьюга. Приведи к вождю.

– Да, дон Мигель, – с нескрываемым уважением сказал Феликс и побежал по пирсу, обогнав меня, схватившись за один из многочисленных канатов, на котором и унесся вдоль стены плавучей крепости.

– Пушку, старик, – напомнил я. – Покажи мне пушку. И боеприпасы.

– Джи-ди-джи скажу я тебе. Еще одно слово – нитроэкспресс. Нитроэкспресс семьсот.

– Джей-ди-джей? – полуобернулся я. – И старый добрый нитро... В старые времена тем, у кого обнаруживались при себе такие патроны и ружья экотеррористы отстреливали руки и ноги. Или засовывали стволы им в задницы, а затем с веселыми воплями жали на спуск.

– Я не настолько весельчак, амиго Оди. Я старый советник, боящийся за родное племя. И поэтому мы применяем оружие, что подарила нам Мать, только в подобных случаях... огромный дивинус способен натворить бед за считанные мгновения.

– Спятивший дивинус...

– Водяной гордый конь сошел с ума, – со скорбью кивнул Мигель. – Ты не забереешь наши пушки?

– Сколько детей у вас в племени?

– Почти десяток. Самому маленькому два года. И трое женщин беременны.

– Я не заберу ваши пушки, старик, – проворчал я. – Но взглянуть хочу. Принеси.

– А если бы детей было бы только двое? – поинтересовался Мигель. – Или лишь один?

– Не ковыряй мою психанутость, старик. Сожжёшь ногти и яйца.

– Честный ответ.

– Пушки.

– Пушки тяжелы. Мне это давно уже не под силу. Но твое желание будет выполнено, Оди.

Желаешь что-нибудь еще?

После короткой паузы я кивнул, глянув на подбежавшего Хорхе:

– Меновую торговлю. Любите консервы с тушеной страусиной жопой?

– Бункерснаб...

– Верно.

– Мы любим торговать. И мы любим страусиные жопы. Я оповещу наших... торговых умельцев.

Демонстративно хрустнув шеей, Хорхе вопросительно глянул на меня, явно ожидая разрешения подготовить все для торговли.

– Там торгматы, – ткнул я пальцем в хижину. – Проверь, как они на тебя отреагируют.

– Мать... Система давно плюнула на меня, лид.

– А ты проверь. И проводи советника Мигеля до лестницы. Попроси перебросить пару проводов для подзарядки. И скажи сержанту, что после захода солнца я не хочу видеть наш плот освещенным.

– Есть!

Хорхе, чуть прихрамывая, убежал, глядя через плечо округлившимися глазами. Понимаю тебя, бывший советник, понимаю. Этот гиппо впечатляет...

Даже мертвый зверь вызывал уважение. От его массивной туши хотелось отступить. И я единственный из всех, кто находился сейчас на наклонном и мокром от крови пандусе, стоял во весь рост, а не пребывал на коленях. Задумчиво склонив голову на плечо, я медленно скользил взглядом по толстой серой коже, по искалеченной огромными пулями плоти, откуда тянулся едва заметный дымок. Я не обошел вниманием огромное количество шрамов, что испещряли тело гиганта. Ноги вызвали особый интерес – они были вылеплены из одних только мышц, обтянутых кожей. Сразу ясно – этот зверь умел не только бодро плавать, но и вполне мог пробежаться с достаточно солидной скоростью. Зверь-амфибия, что может патрулировать как саму реку, так и ее берега, при нужде удаляясь на большое расстояние. Выбор гиппо в качестве дивинуса был мудрым.

Меня кто-то попытался дернуть за руку, но я отвел ее, и промахнувшийся горбатый дедок злобно зашипел, шпигуя воздух мелкими брызгами зеленоватой слюны:

– Преклонись, бастардо! Это божественный зверь!

От небрежного удара коленом он улетел с пандуса в воду, но тут же выплыл и поспешно погреб к ближайшей лодке. Там его подхватили соплеменники. Оттуда же ко мне зашагало несколько крепких парней с короткими дротиками. Но они не дошли – на полпути на их дороге выросла вылезшая из экса Ссака, имеющая на себе из одежду одну только дырявую майку и старые шорты. Это не считая тяжелых армейских ботинок, которыми она в следующую минуту выбивала тупую дурь из обиженных за дедушку парней. Отвернувшись, я продолжил изучать мертвого зверя, что спустя десятилетия службы все же не выдержал и сошел с ума. Судя по количеству уже заживших побелевших рубцов, этот зверь плавал по Рио Рохо лет пятьдесят, а то и больше.

– Торгматы работают, сеньор Оди, – церемонно заявил подбежавший Хорхе и протянул мне оказавшуюся приятно прохладной банку. – Апельсиновый сок. Витамины для мозга!

– Закупайтесь, – велел я, коротко кивнув. – Больше напитков. Выгребай все лекарства, что можно купить.

– Валюта только внутренняя...

– Трать свое бабло, Хорхе, – буркнул я. – Живы будем – сочтемся, боец.

– На тебя не пожалею и последнего песо, лид. А вот остальные...

– Ссака!

– Да?!

– Как отмоешь ботинки – топай к торгматам. Проверь, как они сработают на отмерзлую старуху вроде тебя.

– Есть! – рывкнула наемница, сходя с трясущегося от полученного удовольствия парня с разбитой харей. – Что братъ, если дадут?

– Хорхе пояснит.

– Ага.

– Там что вообще продают?

– Одежду, напитки, пищевые добавки, лекарства, а еще инструменты, обувь, веревки... много веревок!

– Берите все нужное.

Когда снова появился мудрый советник Мигель, Каппа тут же предупредил его издали:

– Не вздумай навести оружие на командира, старик.

– Я мирный речник, о воин, – тихо улыбнулся советник племени. – Нам ни к чему конфликты...

– Ты меня слышал.

– Твои воины... жестоки, – сделал заключение Мигель, с горестью и с некоторым разочарованием глядя на распластавшихся на досках причала парней. – А эта женщина...

– Это женщина не из тех, кто позволит какому-то тупорылому обидчивому ушлепку похитить себя, отвезти на берег к дракону и там позволить гоняться за собой.

– Твоя правда... Но мы верим в великодушные Матери, что наказала нам проявлять доброту ко всему живому.

– Но когда дивинус сходит с ума – вы без колебаний стреляете в него пулями нитроэкс-пресс семьсот, – рассмеялся я, принимая из рук сопровождающего Мигеля мужчины тяжелое ружье.

Оглядев, вернул обратно. Однозарядное, переломное, машинное производство, оружейная сталь. Все настолько массивное, что при должном уходе прослужит вечно. На прикладе самодельная подушка, что должна смягчить чудовищную отдачу. В цевье предусмотрено отверстие для установки на специальную треногу – а она прямо над нами, на одной из террас плавучей крепости.

Второе ружье впечатлило меня еще меньше. Переломный двуствольный штуцер. Вес около десяти килограмм, ничего необычного. Идеально для пальбы по крупным целям, особенно если стреляешь почти в упор. У нас есть почти такой же, вот только боеприпаса под него ноль. Вернув и это оружие, я прошелся ногтями по зудящему от потения и грязи подбородку, задумчиво глядя на Мигеля.

– Хочу хотя бы десяток таких патронов.

– Их посылает нам Мать и лишь на благие, но горькие цели вроде...

– Ну да. Да... Хочу десяток патронов, старик. В обмен получите два дробовика под двенадцатый калибр и по десятку патронов к каждому. Не хочешь оружие – могу предложить консервы и водку.

– Водку? – Мигель облизнул губы.

– Водка Россогор. Что-то фирменное сурверское, если ты слышал о сурверах, что живут под землей.

– Все слышали эти легенды. Еще я слышал о бурбоне и коктейле Кентуккийский мул. И даже пил его... освежает...

– Бурбона нет. Есть водка и мескаль. Решай.

– Дробовик, двадцать патронов, два мачете и две бутылки водки Россогор. Мы чтим заветы Матери, но надо как-то... выживать... крутиться...

– Хорхе!

– Краем уха я уже слышал! Договоримся!

Опять поворачиваясь к мертвому гиппо, я равнодушно обронил:

– Мы заплатим наличкой за лекарства и крупнокалиберные патроны. Купим гранаты и мины.

– У нас такого никогда...

– Пригодится миномет.

– Говорю же! Наше доброе племя...

– Почти не торгуясь куплю пулемет.

– Добрый Оди, похоже, ты не хочешь услышать меня...

– Помимо налички у нас неплохие запасы бункерснабовских консерв. И у нас еще много водки...

– Я... мы посмотрим наши скудные запасы, команданте Оди... мы пороемся...

– Давайте, – кивнул я. – Ройтесь...

Потратив еще несколько минут на изучение мертвой туши, прикидывая, как он мог двигаться при жизни, оценив глубину оставленных колями ран, когда обезумевший зверь на полном ходу протаранил периметр крепости, пытаясь прорваться к визгливым гоблинам, увидев внутри плоти металлическую сетку, я медленно двинулся по причалу. И я не упустил момент, когда медленно разворачивающаяся крепость вдруг замерла и начала отходить обратно, возвращаясь почти на середину русла. Раз... два... и мы заняли прежнюю позицию. В мутной воде стихли буруны.

Как-то все это знакомо...

Тут не может быть просто тупого понтона с движками. И это нетленное сердце, дарованное Матерью...

Неужели...

Развернувшись, я почти бегом добрался до нашего плота, куда несколько самых целых наших гоблинов уже стаскивали закупленные советником товары. Буквально впрыгнув в Гадюку, я успокаивающе рыкнул Каппе, схватил конец троса и ухнул в воду. Оказавшись в мутной толще, спокойно позволил гравитации утащить себя ко дну, не шевелясь, пока трос не натянулся, задрожав как струна. Вися на стальной паутинке, чуток подтянул себя выше, врубил фильтры, чтобы убрать лишнюю муть, и глянул на крепость племени Спокойной Воды снизу. Морду всегда можно загримировать, придать ей любой вид. А вот жопу... жопу ты, гусыня, от меня не спрячешь. Тут было полно связанных потемнелых бревен, выглядящих крайне плохо. Эта древесина давно пропиталась и отяжелела настолько, что уже должна была потерять плавучесть. Связывающие тросы глубоко ушли в ставшую податливой древесину, почти перепилив многие бревна. А кое-где это уже случилось. Бревна отошли в сторону, обнажая содержимое короба. Там хватало водорослей и мусора, но оценив общие размеры и очертания подводного «фундамента» плавучей крепости, я тихо рассмеялся и полез по тросу вверх, попутно дав по морде излишне любопытному молодому крокодилу.

Выбравшись на плот, я «вскрылся». Принял от подскочившего вездесущего Хорхе кружку кофе и шагнул к Каппе.

– Что там, лид? – не стал тот скрывать бушевавшего его любопытства.

– Подлодка, – тихо сказал я, глядя поверх кружки на возвышающуюся над рекой плавучую крепость. – Атомная подводная лодка. Старая, как этот мир. Да еще и обвязанная бревнами, возможно, выпотрошенная и наверняка лишенная ядерных зубов... но это подлодка. Причем большая. Ясно, что реактор функционирует, движки тоже в порядке, управляющая

автоматика активна. Может, куда-то наверх выведено что-то вроде джойстика – в самый раз для аборигенов.

– Но...

– Говори.

– Когда крепость идет вверх по течению, они не полагаются на винты – все мужчины и женщины берутся за канаты и идут по берегам, тяня крепость вверх.

– Система не любит праздных гоблинов, – рассмеялся я. – Нет, Каппа. Дело не в винтах. Подлодка такого уровня легко поднимется по любой реке – была бы глубина достаточной. Похоже, в незапамятные времена, система дала этому племени бревенчатое основание, под которым спрятана подлодка, и намекнула, что не стоит лезть куда не надо. Те выстроили сверху крепость, обставились колями против дивинусов и живут себе счастливо. Взамен они пашут на систему, беспрекословно выполняя все, что она от них требует.

– Торгматы сработали! – радостно доложила Ссака и помахала крохотными красными трусиками. – Первая покупка за годы! Пусть и тестовая – все равно приятно.

– И ты купила трусы, а не аспирин?

– Ха!

– А если голова заболит? – предположил Каппа.

– В таких трусах голова не болит! – буркнула Ссака, запихивая их в задний карман шорт. – Я же сказала – тестовая покупка! Теперь куплю полезное. Что там было про подводную лодку?

Пока Каппа вводил ее в курс дела – а заодно и хитрожопого Хорхе, что успел подскочить и услышать все самое главное, не выпуская из рук ворох черно-серых тряпок – я успел вспомнить оставшиеся детали:

– Водоизмещение большое, осадка метров десять. Длина гарантировано больше ста метров – там столько всегоросло за годы, что хрен разберешь. Но все эти наросты... подстрижены.

– Кем?

– Дивинусами, – пожал я плечами и отхлебнул кофе. – Или сервисными дронами. Подлодка старая. Вряд ли реактор последнего поколения. Да она и не может иметь своего депо для перезарядки реактора. Так что новые стержни и прочее сюда должны подвозить относительно регулярно – минимум раз в полвека. Может, чаще. Так что должен быть предусмотрен доступ внутрь. Что-то вроде достаточно большого шлюза, к которому может присосаться транспортная подлодка меньшего водоизмещения.

– И когда Мигель говорил, что как-то раз движки сдохли, и они все дружно начали молиться Матери...

– Ага, – кивнул я с ухмылкой. – Пока они елозили коленками по занозистым доскам, прямо под ними перезагружали реактор. Может, заодно обновляли по мелочи. Да похер. Главное – под нами подлодка, бойцы. Исправная атомная подлодка. А такие умеют нырять очень глубоко.

– Зачем? – этот логичный вопрос задал Хорхе, опередив Ссаку. – Вот нахрена нам подлодка, сеньор?

Каппа бы успел спросить раньше них всех, но он уже знал ответ и вопросительно глянул на меня:

– Формоз?

– Формоз, – кивнул я. – Проклятый мир-опухоль посреди океана.

– Он не может быть незащищенным...

– Вот поэтому было бы неплохо уметь уходить в недостижимую глубину, – проворчал я.

– А ты умеешь управлять подводной лодкой, командир? – осведомилась переварившая информацию Ссака. – Я вот как-то не научилась... там везде автоматика, конечно, но...

– И что делать с племенем, живущем на подлodge? – выпучился Хорхе.

– Племя, – наименьшая проблема. – буркнул я, забирая у бывшего советника пару черных трусов, майку и шорты того же цвета, а к ним и бейсболку. – Ладно... ладно... Давайте обедать.

– Олимп... – произнес задумчиво Каппа, одновременно многообещающим жестом показывая сидящему на крыше внедорожнику гоблину, чтобы тот не на нас пялился, а по сторонам смотрел.

– Что с Олимпом? – поинтересовался я, оборачиваясь и глядя на видимую с любой точки исполинскую гору.

– Говорят, одна его сторона покоится в океане...

– Дорог много, – оскалился я. – А троп и тропинок еще больше. Мы найдем дорогу назад, мечник. Обязательно найдем.

– В планах?

– О да. Мне нужен мой отряд. Мне нужны мои гоблины.

– Когда?

– Для начала разберемся с руинами и драконами, сержант.

– Затем? – бесстрастно спросил Каппа, будто проблема дракона уже решена.

– Вернемся на базу, чуть накопим сил и бойцов, – продолжил я, понимая, что сержант хочет знать план. – И наведемся к этим... транспортникам.

– На шагоходах? Лидер Лобо...

– Да похер, как зовут их лидера, – буркнул я. – А вот инфа от них нам нужна. Говоря о тропах – они их и знают. Я уверен, что эти транспортники знают пару тайных тропок, ведущих внутрь.

– Почему?

– Потому что снабженцы и транспортники всегда что-то да знают, сержант, – ответил я. – Пошли жрать. И заодно расспросим о драконе. На мескаль тебе и Ссаке не налегать. Хорхе тоже пусть воздержится.

– Сегодня?

– Сегодня, – кивнул я, переводя взгляд на берег с драконом. – Затягивать смысла нет.

Кивнувший мечник молча потопал дать пинка оплошавшему часовому, а я медленно пошел навстречу улыбающемуся Мигелю, несущему на плече увесистую сумку.

* * *

То, что мы оказались в обществе приличных алкашей, стало ясно минут через десять после начала раннего ужина. На боковой террасе плавающей крепости, обращенной ко все еще ярко освещенному «запретному» берегу, где обитал дракон, расположились «самые достойные». В это число вошел мой текущий костяк бойцов, благо с нашей позиции с краю был хорошо виден «родной» плот с гоблинами. Еще туда сбежалось не менее двадцати различной степени потертости дедков, что явно давно вышли из числа активных членов племени, но обросли таким количеством прежних заслуг, что отказать им в месте за пиршественным столом никто не посмел. Ну и завершала сборище племенная верхушка – даже сам вождь, что явился уже в жопу пьяным и, привалившись к стене, затих, изредка мелко кивая и механически вливая в себя пиво. На водку и мескаль сил у него уже не оставалось. Он был настолько в хлам, что не проявил ни малейшего интереса ни к кому из собравшихся. Его интересовала только полупустая бутылка пива, плюс изредка кто-то из особо достойных помогал ему подняться, добрести до дальних перилл и там подержать его хер, пока вождь пускает вялую струю за борт.

А вот трое бодрых мужичков средних лет, шустрых, прожаренных солнцем и проявленных речными ветрами, одинаково лысоватых, едва-едва выпивших и чутко отслеживающих настроение улыбчивого Мигеля, что через слово поминал могучую силу молодого вождя, сразу

показали, кто тут на самом деле правит племенем. Старший советник и трое его тихих, но деловитых и настолько специфичных мужичков, что Хорхе сразу с ними снюхался, и они тихо забубнили о чем-то, начав сразу улыбаться, затем посмеиваться и часто стучаться стопками. И я заметил, что алкоголя в их стопках едва-едва на доньшке. Хитрые торговцы, дипломаты, воротилы и шустрилы... таких ни один конец света не исправит и не изведет.

Явно, что именно им, эти бодрым хитрецам, Мигель приказал выбить с нас как можно больше, а отдать как можно меньше. Но Хорхе, закаленный долгими годами организации всей жизни Небесной Башни, где этот смысленный, но нерешительный гоблин оказался на вторых ролях, не сдавался. Это стало ясно минут через пять, когда улыбки сидящих напротив стали тусклее и напряженнее. Ухмыльнувшись, я отвернулся и поверх низеньких перил уставился на совсем близкий берег. Мы расположились на циновках и одеялах, сверху нас прикрывал тростниковый навес, под левым локтем у меня была жесткая подушка, а в правой руке – литровый старый стеклянный бокал. В него отлично вместились пара капель водки Россогор, таблетка здешней торгматовской зеленой соленой шизы и три целиком выжатых странных красноватых и невероятно кислых плода. Натурпродукт – его притащили сборщики с последней вылазки. Вон на краю пирса сгорбился рыдающий гоблин, что недавно узнал о страшной и нелепой смерти своей молодой подруги. Сочувствую ему – ведь и отомстить некому по сути. Ему придется либо пережечь эти эмоции внутри себя, обращая заодно в серый пепел и многое другое ценное. Либо же набухаться, а затем сорваться на невиновных...

А я?

А мне посрать. Хотя мне это знакомо...

Когда ко мне поднесли и усадили рядышком живой обрубок, я лениво глянул на него и снова отвернулся, чуть ли не с неохотой спросив:

– Ты на самом деле видел дракона, червь по имени Соррос?

– Ты... ты убьешь его? – с надеждой спросил безногий калека, опирающийся на единственную руку – правую. Да и та была нехило так пожевана, бугристая кожа плотно облепила провалы и бугры на изуродованной конечности.

– Ты попутал, червь, – поморщился я. – Ты решил, что я буду мстить за тебя? Мне просто нужен источник информации. Я спросил Мигеля – и вот мне доставили тебя...

– Не ради меня мстить! А... ради всех, кто погиб! Ради всех невинных! – прохрипел молодой совсем парень, хотя по его дряблему мешкообразному телу трудно судить.

Заросшее жидкой бородой и прикрытое нечесанными патлами лицо мало о чем говорит. Хотя глаза молодые – несмотря на все пережитое. Как сказал Мигель – за ним не уследили.

Мигель вообще много чего рассказал, начав с сетования о молодости. Все подростки, мол, одинаковы. У всех реактивный движок в жопе, а там, где должны быть мозги, гуляют волны по морю молодой дикой спермы, что мгновенно сжирает любые ростки, пущенные инстинктом самосохранения. Не уследишь за таким реактивным дебилом – и он куда-нибудь вляпается, что-нибудь натворит. За этим вот не уследили. И за его другом. И за их подругами...

Четверка подростков-одногодков, считай, все новое тогдашнее поколение племени, воспользовавшись знанием не слишком сложного календарного распорядка плавучей крепости, сумела втихаря не только неплохо по их меркам подготовиться, но и выявить самых ленивых и пьющих дозорных. Все это позволило им, двум, считай, пацанам – младшему было тринадцать, второму пятнадцать – и двум того же возраста девчонкам, погрузиться тихой ночью в одну из лодок. Плавать, грести веслами, толкаться шестами они все умели чуть ли не с пеленок – жизнь на реке обязывает. Уже через пятнадцать минут они были на берегу, успев туда незадолго до восхода. Время тоже было выбрано не случайно – что разглядишь ночью в джунглях? Ничего. Опять же все они знали о ночных хищниках и предпочитали не рисковать. Хотя это туповато, нет? Переживать о пантере в то время, когда идешь заглянуть в жопу живому дракону...

Они просидели на берегу до восхода, а когда стало совсем светло, двинулись прочь от реки, с нервными смешками перешептываясь и крепко сжимая игрушечные копья и луки.

Еще через полчаса, наполненных кошмарными ужасами и болью, сквозь прибрежные заросли прорвался израненный однорукий Соррос, успевший увидеть, как погибали его друзья. Припадая на глубоко взрезанные ноги, он рухнул в мутную воду и поплыл, напроочь забыв о лодке. Гребя одной рукой, завывая, он проплыл метров пять, прежде чем на вкусный запах его крови сплылись речные хищники всех мастей – от небольших аллигаторов до рыбы и даже здешних странноватых угрей. Сорроса спасло то, что их пропажи к тому времени хватились и взрослые сразу поняли, куда рванули детки. Были высланы плоты и лодки. Ближайший плот оказался совсем рядом, и пацана вытащили из реки – сплошь облепленного кусачей живностью, пожираемого заживо, уже бессознательного. Пока одни отдирали всех тварей, другие что есть сил гребли к крепости. Там к его груди тут же прижали единственную реально рабочую и забитую медициной аптечку. А глава племени рухнул на колени в рубке и взмолился о помощи Матери. Когда он изложил суть – умирает искалеченный ребенок – система выслала помощь. Через пятнадцать минут на верхнюю площадку опустился медблок. Так жизнь Сорроса была спасена. Остальные все это время качались на воде, неотрывно глядя на берег, где жил дракон – они еще не знали, что оставшиеся трое подростков уже погибли, и верили, что те могут вернуться.

Соррос выздоровел – насколько это возможно при его состоянии. Никто не пришел ему новых ручек и ножек. В целом нетронутым у него осталось только лицо. Он потерял почти все – хотя яйца и член чудом остались при нем. Не отождрали речные твари. Благодаря стойкому характеру, он продолжает жить, и за последние годы у него было всего шесть попыток покончить с собой. Но теперь-то за ним приглядывают очень зорко и каждый раз успевают остановить. Поэтому ему не дают в руки ничего острого.

Все это мне рассказал Мигель, сокрушенно моргая и тяжело вздыхая. Он же поведал, что парень никому не рассказывает о том, что видел там – у руин. Единственное, что он поведал за эти годы – подтвердил, что его друзья погибли. Мигель предложил доставить калеку ко мне – и я согласился. Еще раз пять советник попросил проследить за тем, чтобы мы ему даже ложку чайную не давали – тем паче что-то стеклянное. Соррос хочет умереть. И не стоит обманываться его благодушным видом.

Затем Мигель спросил, интересуется ли меня, почему он считает, что Соррос может захотеть что-то рассказать мне. Я отрицательно покачал головой. Тут и так все ясно – нет смысла рассказывать кошмарные истории тем, кто никогда в жизни не сунется к дракону. Но есть смысл рассказать хоть что-то тем, кто хочет дракона убить...

Мигель кивнул и с очередным вздохом признался, что Соррос – его единственный внук. Его линия рода прервется уже навсегда – теперь это почти факт, ведь его сыну Мать не даст второго шанса стать более внимательным отцом. А внук не смотрит ни на одну из девушек.

Соррос же... По сути, весь смысл его жизни теперь сводится к тому, чтобы регулярно говорить молодым и красивым одни и те же слова из года в год – не делайте как я, посмотрите на меня, не делайте как я. Видите меня-урода? Видите? Разглядите хорошенько! И никогда не ходите к дракону!

Еще Мигель поведал, что за такой недосмотр Мать наказала племя на четыре года. Никаких бонусов, никаких особых товаров в торгматах, что раньше так радовали их души. Никаких детей – никто не забеременел за следующие четыре года, хотя за этот же период ушли в лучший мир восемь членов племени. Плюс еще один год они отрабатывали втрое, чуть ли не сутками корячась на прочистках начавших загнивать речных затонов, загнивая при этом сами – половина племени надолго слегла с язвами и червями в заднице.

Племя выдержало. Племя искупило свою вину. Племя усвоило урок.

Для всех жизнь продолжается дальше.

Для всех, кроме Сорроса.

– Так ты убьешь дракона, чужак?!

– Рассказывай, – ответил я, зажимая в зубах сигару. – Рассказывай все, что видел и слышал. Только это. Мне не нужны твои домыслы или предположения. Захочу дополнений – задам вопросы. Понял?

– Возьмите меня с собой, – едва не упав, попросил подавшийся вперед обрубок.

– Нахрена? – удивился я.

– Я буду приманкой! Крикливой вкусной приманкой! Ядовитой приманкой – напичкайте меня ядом! Я уже думал об этом – я проглочу побольше медленнодействующего яда. Буду орать, звать. Дракон придет, чтобы сожрать меня! Пусть жрет! А потом, когда он меня разжует и проглотит, яд попадет ему в желудок и начнет действовать. Не убьет – так хотя бы ослабит!

– Не, – покачал я головой. – Тупой план от тупого аборигена, живущего лишь плаксивой ненавистью.

– Пла... плаксивой ненавистью?! – затрясшаяся бородастая голова фыркнула слюной. – По... погляди на меня! Погляди! – он почти орал, и услышавшие его соплеменники поспешно отвернулись, сгорбились, показывая лопатки. – За что меня так?! За что?!

– Ты не видишь разницу, – ответил я, стряхивая пепел с сигары в большую глиняную миску, поставленную сразу же, едва я запалил огонек.

Живя в деревянном доме над полной злобных тварей рекой, поневоле научишься осторожности с огнем.

– Разницу в чем?!

– Разницу между тобой и вон той антилопой, – указал я тлеющим концом сигары в воду, где какая-то копытная мелочь чудом ускользнула из клыкастой пасти хищника и, припадая на окровавленную ногу, торопилась прочь.

– Она убежала!

– Я не о том. Даже искалечь ее хищник, обезножившая антилопа либо сдохнет, либо каким-то чудом продолжит жить на трех ногах. Или даже ползком будет таскать свою безногую жопу и жрать траву до тех пор, пока не сдохнет от заражения или зубов другого хищника. Но при этом страдающая от боли и не имеющая больше ног антилопа не будет спрашивать: «За что?!». Она просто будет стараться выжить.

– Я не антилопа! У меня есть разум!

– Но нет ее стойкости, – буркнул я и, выбросив руку, сжал его щеки стальной хваткой. – Ты тюфяк! Размазня! И в этом я виню не тебя – а твое племя. Вас, детей... слишком мало. И от этого проблемы...

Поняв, что еще чуть-чуть и я ему выломаю зубы, я разжал пальцы, взглянул в его заслезились, но наконец-то ожившие глаза:

– Вас мало. Десяток детишек на все племя? Плюс минус... ну еще сколько-то молодежи. А бывают годы, когда вас наказывают и женщины вообще не рожают... Тогда на все племя три-четыре драгоценных малыша... Вас изнежили. Вам слишком многое прощали.

– И что? Поэтому я виноват? Я виноват в чем?

– Вас слишком мало, – повторил я. – А вот я... когда я был пацаном... в то время детей было как грязи. Мне нехило прошлись внутри башки миксером, почти все воспоминания заперли или перемололи в бессвязную кашу. Но я помню, как мы целой визгливой детской оравой плескались у бетонных ступеней одного из этажей затопленной Небесной Башни. Грязная вода, грязные дети и мусор, плавающий вокруг. Этот мусор был нашими игрушками. Мы даже спали на нем... И всем было плевать. Знаешь, почему? Потому что детей было, как того мусора – дохрена и больше. В нашей башне только и делали, что трахались и рожали. Выплевывали все новых младенцев как с конвейера... И поэтому всем было плевать, если кто-то из нас тонул или падал с подоконника. Пара дней скорби под бутылку самогона – и снова

трах, беременность и роды! Нас никто не окружал вечной любящей заботой. Если нас кормили раз в день – уже хорошо! Потому что старшие были вечно заняты поиском жратвы...

– Я...

– Четыре подростка отправились поглядеть на дракона? Вам уже было немало лет! Вы должны были понимать, что дракон реален! Вы должны были знать, что дракон разорвет вас от жоп до макушек, а потом сожрет! Вот что такое реальность! Но вы, избалованные детишки... вы жили в славной розовой сказке и непринужденно отправились воевать с ненастоящими копьями с настоящей тварью...

– Мать Святая... да мы даже не думали... пусть ты был умнее в наши годы... А мы нет!

– Умнее? Да я бы не пошел не из-за большого ума! Хотя я никогда не был таким, как вы, и мне не понять... Но я помню, насколько тяжела рука старших, когда они тебя херачат, не сдерживая силы, за любой твой тупой проступок! У нас служб опеки не было! И нас воспитывали так, что порой все тело черное было! Я бы не пошел смотреть на дракона из-за инстинкта выживания, зная, что меня потом так отмудошают тонкой пластиковой трубой, что я неделю только стоять и смогу! И ведь хер поспоришь со старшими – как еще воспитывать орду непоседливых детей, что то и дело суются к пустым лифтовым шахтам Небесной Башни или прыгают через метровые трещины в полу! Наглядный пример – идеален. И никому из нас не хотелось быть опухшим от кровоподтеков наглядным примером... Мы росли умными злобными зверятами. Правильно ли это? Не знаю. Но я еще жив. А тут дракон... да будь я вашим вождем, я бы тебя еще тогда обратно бы к дракону зашвырнул – чтобы другим детям, кто это видел, неповадно было!

– Лучше бы обратно! Посмотри на меня! Я уж точно заплатил за свою глупость! Сейчас знаю! А тогда не знал!

– У вас гиппо с атомными батареями в жопах вокруг плавают и регулярно на крепость нападают... Этого не хватило понять, что дракон страшнее будет?

– Мы просто хотели стать героями!

– Как? Хотели победить дракона?

– Хотя бы увидеть!

– Увидел?

– Увидел!

– Ну вот ты и герой, – криво улыбнулся я и похлопал его по бугристому от давным-давно заживших ран плечу. – Поздравляю.

Миг... и уронив голову на грудь, Соррос беззвучно заплакал. Неспешно докурив сигару и швырнув окурки в реку, я сделал еще один бодрящий глоток коктейля, и тут Соррос меня удивил:

– Мне бы хотя бы ноги... и я бы сумел научиться! Я бы стал воином! Хотя бы одну ногу! Я бы стал крутым! Нашел бы шагочод! Я бы вернулся в те руины и убил бы дракона!

Заглянув в его глаза, я увидел пылающую ненависть. Удивленно хмыкнув, я спросил:

– Тогда почему ты этого не сделал? Лень?

– Что? – опешил Соррос, уставившись на меня залитыми слезами глазами. – Ты о чем, чужак?! Посмотри на меня!

Протяжно зевнув, я безразлично дернул плечом:

– А что это еще? Лень... Знаешь... один из моих бойцов, что сейчас где-то там наверняка трахает очередную шлюху в очередном борделе... когда мы с ним встретились, у него была только одна рука. Как у тебя сейчас. И он дрался из-за сраной тележки с вполне здоровым мужиком, что обещал ее отдать, но не отдал... Ну или примерно как-то так было... помню, они еще спорили, кто у кого сосать будет... Того бойца зовут Рэк. И он, можно сказать, рожден в таком страшном месте, что по сравнению с ним ты живешь в чудесном сытном раю, где тебе девушки, те самые, на кого ты смотреть не хочешь, фрукты приносят и жопу твою вонючую

моют. А он... он каждый день сталь зубами грыз, чтобы доползти куда-нибудь, что сделать что-нибудь, чтобы прожить хотя бы еще один день! Потому что если сдохнешь – все! Конец пути. Ведь он знал главное – жизнь надо ценить. Не потому, что она дар божий, а потому, что она одна. Хочешь отомстить? Надо жить! Хочешь научиться чему-то? Надо жить! И Рэк жил! И благодаря его жизнестойкости, храбрости и огромному накопленному запасу черной злости и жестокости, я заметил Рэка и не прошел мимо, как прохожу мимо таких вот мягких червей вроде тебя... Так он получил свой новый шанс – и воспользовался им. Теперь он ходит на своих ногах... и убивает кого и когда захочет. Потому что он может. И потому что он живой. Ведь он не настолько debil, чтобы пытаться зарезаться...

Соррос молчал. Остолбенело пялясь на меня, он молчал и лишь беззвучно шлепал губами. Подошедший осторожно Мигель двумя руками протянул мне уже зажженную сигару и сразу ушел. Ну да... все собравшиеся здесь слышали наш разговор. Ведь всем с самого начала было интересно, расскажет ли Соррос о драконе и что же он такого поведает – единственный, считай, очевидец... Остальные видели лишь что-то огромное и движущееся за деревьями...

– Правда? – тихо прошептал он наконец.

Поморщившись от его чисто бабского ангельского выражения преисполненного какой-то потусторонней надеждой личика, я воткнул сигару в зубы и поочередно задрал сначала рукава новой футболки, а затем и шорты, показывая кольцевые шрамы. У Сорроса отпала челюсть.

– В этом мире система почти бог, – продолжил я. – Она может пришить тебе новые конечности, может заменить требуху и даже член новый присобачит вне зависимости от пола, главное – ей понравится, а затем просто попросить. Главное – заработать баллы... заслужить доверие... быть полезным. Но ты... ты всего лишь никчемный тюфяк, что жрет свежие фрукты и думает о смерти... Знаешь... хотел бы ты сдохнуть – ты бы сдох. Шесть раз пытаться и не суметь? Кого ты смешишь?

Парень хотел что-то сказать, но я раздраженно дернул щекой:

– Нет, я не буду подсказывать тебе, как именно стать своим для системы. Сам напряги голову и жопу, придумай что-нибудь. Наберешь у нее очки – вернешь себе руку хотя бы. Или тебе нога была нужна?

– Я... а если не получится?

– Лучше сдохнуть попытаюсь, чем не сделать ничего. А еще лучше – сдохнуть, но сделать, – ответил я. – Жить или сдохнуть – решать тебе. Пытаться или не пытаться вернуть ноги и руки – тоже только тебе. Мы живем в мире, где система может заменить все. Главное – найти подход. А если не сможешь найти способ приживить новые руку и ноги – иди другим путем! Заработай бабла, наведи связи со знающими и умеющими многое достать гоблинами, купи себе боевой шагоход, обучись бою на нем – и вперед на дракона! Шагоходом можно управлять всего одной рукой при сноровке. А еще можно вживить себе нейрочип и управлять тяжелой техникой мысленно... Но ты ведь не пытался. Не искал способ. Ты потратил годы на то, чтобы просто жалеть себя... Хотя... мне ведь похрен. Решать тебе. Кстати... на.

Я взмахнул рукой, и в сантиметре от яиц парня в одеяло вонзился мой нож, пробив его и уйдя в доски. Указав глазами на дрожащую рукоять, я предложил:

– Давай. Отточен на совесть. Просто полосни по глотке вот здесь, – я указал место у себя на шее. – Вот твой шанс наконец-то сдохнуть. Давай! Режь!

– Оди, – всхлипнул подкинувшийся со своего места Мигель. – погоди... он же сейчас...

Секунд пять поглядев на рукоять ножа, Соррос отрицательно качнул головой, затем поднял на меня лицо и заговорил. Причем заговорил громко, внятно и строго по делу, рассказывая только увиденное, причем описывая все это так детально, будто это случилось полчаса назад. Этого я и добивался... Подавшись вперед, попыхивая сигарой, я внимательно слушал – как, впрочем, и остальные.

* * *

– Я узнала, почему гиппо сходят с ума! У них диссонанс! От недотраха! Особенно у самок. Вечно нам, бабам, не везет... Хотя чаще всего дивинусы – самцы! Еще один гвоздь в трухлявый гроб полового неравенства, да, лид? – усмехнулась Ссака, первой явившись на зов и грамотно усевшись так, чтобы не перекрывать мне обзор, да и самой его не лишаться.

Время еще было – Каппа делал внушение вразнобой кивающим сонным гоблинам, что проснулись минут десять назад, и самые бойкие из них вдруг решили устроить неумелый мордобой.

Сурвер пытался поколотить аборигена, а тот столь же убого пытался дать отпор. Пока они, странно махая руками, кружили по плоту, наступая на остальных, я лениво наблюдал – не за дебилами, а за неспешно шагающим Каппой. Сержант дошел, нанес два четко выверенных удара, после чего отыскал самого крикливого из зрителей, что подначивал громче всех, призывая бить в нос, и выдал ему запрашиваемое. Пока трое валялись в одинаковых позах на бревнах, сержант заставил всех подняться и начал объяснять, почему им больше не стоит так поступать. Один из лежащих сгруппировался... и от пинка тут же улетел в воду, откуда выскочил как ошпаренный через пять секунд, с воем отдирая от окровавленного носа пару очень кусачих рыбешек.

Хорхе заинтересованно наблюдал, одновременно смешивая мне еще один полезный коктейль, набитый витаминами под завязку. И ведь это не мое осознанное желание – закинуться еще витаминами и белком – тело требовало само. Требовало жадно и громко. Сколько времени прошло с последних «усиливающих курсов», а организм до сих пор пережигает калории со скоростью лесного пожара, быстро регенерируя повреждения и стремительно усиливая и наращивая мышцы. Еще меня постоянно мучила жажда – хотя в этом климате неудивительно. Пот здесь льет в три ручья.

– Ты что-то говорила про секс гиппо...

– Да! – вздрогнула Ссака, что с огромным интересом наблюдала за шатающимся смуглым парнем, пытающимся отлить в реку и при этом не свалиться спьяну. Она явно надеялась, что у него не получится. – Мои руки!

– Твои руки и секс гиппо? – задумчиво склонил я голову. – Ты себя не переоценила, боец?

– Да нет! Я сейчас вся обляпалась липкой, но вкусной хавкой – что-то фруктовое вперемешку с мясным и рыбным фаршем. Сладенько. Я пошла мыть руки – у них там что-то вроде дамской комнаты и ведро висит с водой. Черпанул, повесил на крюк, повернул кран...

– К делу.

– Ну да. Мыло тоже есть – и это важно! Скребу я руки как всегда и вдруг понимаю КАК я их мою.

– Тщательно? Небрежно? – лениво подыграл я.

– Я... я их выскребаю буквально, лид. Мою от кончиков пальцев до локтей, выскребаю все из-под ногтей, хотя они у меня и так коротко подстрижены. И вот скоблю я себе руки, а в голове мысль – щетку бы пожестче, чтобы по ногтям пройти после джунглей и жратвы...

– Хм...

– А знаешь, как я раньше руки мыла? Ну... во время Заката.

– Вытерла о пузо и пошла?

– В точку! В крови там или в чем еще – похер! В наше время таблетки от любого поноса лечат. Да с нашими тогдашними боевыми аптечками и регулярными курсами уколов... А тут я так тщательно намываю руки... прямо как...

– Хирург перед операцией? – зевнул я. – Вивисектор перед забавой? Моешь ручки, а на операционном столе скулит от страха голый парень с двумя красными крестами на яйцах?

– Да... Да... что-то такое мне и подумалось почему-то... обычные люди так руки не моют – разве что те, кто до жути микробов боится. А мне на микробы плевать. Хочешь воды из этой реки хлебну?

– Ты не доктор, – кивнул я.

– Но тогда...

– А вот как боевой сопровождающий для доктора, что собирается вскрывать или обследовать еще живое существо вроде прототипа дивинуса-пантеры... и доктору всегда может вдруг понадобится помощь – особенно если дело не в операционном зале, скажем, а где-нибудь в кунге специального грузовика, стоящего посреди естественной среды обитания в джунглях. А там всегда может понадобиться боец, что не побоится придержать голову трехглавой твари или залезть ей по локоть в кишки, выискивая неисправный чип. В том корпусе Вест-Пик занимались темными делами, Ссака. А ты явно не жертва их экспериментов. И ты была разбужена с надеждой на то, что разберешься с проблемой и разбудишь остальных.

– От этого мне и хреново, – призналась наемница. – Я могла...

– Чушь, – буркнул я. – Тебе хреново не от того, что ты могла резать зверушек или людей. Нет. Ты такая же, как и я. Мы все наемники, Ссака. Мы все гребаные бездушные убийцы, мы все занимались пытками, мы выбивали информацию или же выжигали ее из хрипящих от дикой боли тел. Тебе хреново только потому, что ты не помнишь, как это делала. А как вспомнишь – все встанет на свои места. Так было у меня. Как только я, благодаря флэшам, вспомнил хоть что-то – сразу стало чуток легче. Почему? Потому что мы из той породы гоблинов, что не любят, когда их используют втемную.

– Наверное, ты прав, – кивнула Ссака. – Надо покопаться в себе. Я люблю ощущать себя как механизм – исправный надежный механизм без липких слезливых соплей, но с хорошей смазкой от фирмы «а мне пострать на вас и ваши проблемы!». А тут прямо нервное подрагивание какое-то...

– Вспомни часть заблокированного – и станет легче.

– Как? Наркота? Каппа что-то говорил про волшебные слезы эльфиек... кто такие? Я еще не все о вашем прошлом выведала – Каппа упертый.

– Помолчи, женщина, – ровно произнес опустившийся рядом со мной мечник.

– Есть, сержант, – весело оскалилась наемница.

– Никакой наркоты, пока я не разрешу. – качнул я головой, и в моем голосе предостерегающе звякнул металл. – Хватит.

– Да я еще и не начинала...

– Когда вернемся на базу – заглянем в заблокированные лаборатории и вскроем там все, – добавил я, глядя, как балансирующая на тонкой ветви обезьяна весело крутит в руках полупрозрачную змею с аварийно мигающей начинкой внутри.

Миг... и дергающая в спазмах змея-киборг упала в воду. Через мгновение туда же шлепнулась обездвиженная ядом обезьяна. Следом к месту падения подоспели заинтересованные крокодилы, и по воде поплыла кровь.

– Я...

– Да, Каппа? Раз уж сегодня все решили поговорить...

– Два дня. Мне будет нужно два дня.

– Зачем?

– Чикурин. Я хочу заглянуть в деревню Чикурин, – почти равнодушно произнес мечник. – Конечно, когда будем свободны...

Я принял решение быстро:

– Хорошо. Два дня. Но один не пойдешь. Если я не решу скататься с тобой – прихватишь пяток бойцов и машину.

– Спасибо, командир.

Отмахнувшись, я уже устало глянул на Ссаку:

– Что там с чертовыми гиппо?

Та, обрадованная тем, что ей напомнили, тут же начала излагать:

– Тут аборигены рады души излить. Так вот... в себе эти дивинусы или безумны – один черт аборигены их боятся до усрачки. Но они всегда стараются держаться поблизости от одного из таких зверей. Им это выгодно – ведь в случае чего дивинус может прийти на помощь. Так однажды один из спятивших гиппо прорвался сквозь частокол и попер вверх. Но его атаковал выскочивший из воды второй гиппопотам и буквально утащил обратно в воду. Божественный зверь против божественного. Они своей дракой тут разнесли целый причал. В общем страшно с ними рядом быть, но выгодно. Так что расписание плавучей крепости сильно завязано на распорядок жизни тех или иных полубогов звериных. Так прямо сейчас мы находимся в полукилометре от небольшой заводи на том берегу, рядом с которой живет старый матерый кабан. Он настолько старый, что у него уже шерсть зеленая, а клыки как бивни у слона. Но он еще силен... Но я отвлеклась. В общем именно поэтому они знают здешних речных дивинусов наперечет, командир. Ведь они понимают, что рано или поздно кто-то из них пойдет вразнос. А еще они знают, что задолго до момента «схода с рельсов» появляются тревожные признаки.

– Интересно...

– Сами признаки понятны – зверь то замрет и простоит так часа два или три как сломавшийся дрон. Или же бессмысленно закружит. Может начать валить здоровые деревья или ворочать камни. Главный признак приближающегося срыва – рев. Что-то вроде больного бреда – ну когда раненый в живот впадает в забытие и начинает непрестанно бормотать и дергаться, бормотать и дергаться. А ты стоишь над ним и гадаешь – дотянете вы его до ближайшей аптечки или лучше прямо сейчас кончить... Благодаря этому взрыванию и как бы плачу, их легко обнаружить. И раз услышал – беги! Потому что в любой момент уже может произойти срыв.

– И он начнет нападать...

– Да. На всех. Но на людей особенно.

– Почему?

– Ну... они не раз видели, как уже спятивший дивинус проходит мимо замерших от испуга зверей и ничего им не делает. Но они ни разу не видели, чтобы сумасшедший божественный зверь проигнорировал человека. Он обязательно нападет. И он сохраняет память.

– В смысле?

– Ну... они не раз уже пробовали спрятаться в своей плавучей крепости, отгородиться запахом дыма – костры жгли специальные, мокрые и вонючие – и пройти по реке мимо. Но если дивинус видел крепость – он тут же шел в атаку. И точно так же, как им рассказывали береговые, звери всегда крушат любые встреченные постройки. А если они раньше видели, где находится селение – они прут туда как по ниточке.

– Хм... Ты говорила что-то про недотрах?

– Гиппо семейные, командир. Пантеры вроде как одиночки большей частью. А вот кабаны, гиппо и многие другие – они стадами живут. Это даже я знаю. И ты. Да все знают.

– И что?

– Остальные звери от дивинусов шарахаются чуток – по наблюдениям здешних. Будто чувствуют что-то чужое... А это уже на психику бьет, согласись? Когда ты к стаду поближе – а они от тебя прочь как от прокаженного. Так, может, не у всех дивинусов, но вот у гиппо – часто.

– Дальше.

– Самцы дивинусы не занимают позицию лидера стада. При этом они, само собой, не позволяют себя бить другим самцам. Если кто полезет – его отделают так, что крокодилам даже жевать эту отбивную не придется. Но при этом дивинус постоянно держится как бы в стороне – будто его программа какая-то заставляет.

– Он бежит от роли альфы?

– Да. Самок трахает другой самец.

– А дивинус?

– Чаще всего как бы ему тоже достается от радостей жизни... но если вдруг раздастся звонок от босса...

– Не понял... стоп... приказ системы?

– Ага, – ослабилась наемница. – Речники не раз видели. Залезет дивинус на пухлую молодую самочку, только пару раз дернется – и тут вдруг как соскочит с нее и бегом по берегу боевым аллюром. На пожар там – буквально, если молния шибанула в сухой период – или спасти кого...

– То есть секс начал – и не закончил? И это все?

– Почти. Он когда бежит – он обиженно и разъяренно ревет. Дико ревет. Головой мотает. А порой даже упирается, застывает, пытается повернуться к самке, что стоит вся такая раскоряченная в непонятках и смотрит на него как на обделавшегося. Но все равно приказ побеждает, и он уходит.

– Зверь – это зверь, – произнес Каппа. – Он живет естеством.

– А естество ломает срочный приказ, – кивнул я. – Раз такой косяк со стороны системы, два... все это дерьмо накапливается, плюс несвойственный обычному зверю образ жизни... И однажды зверь сходит с ума.

– Вывод – трахаться надо вволю, чтобы чикой не съехать к хренам, – подытожила Ссака и о чем-то глубоко задумалась, глядя на опять вышедшего отлить смуглого парня.

– Все?

– Все!

– А теперь поговорим о драконе, перед тем как пойти и порвать ему жопу. Дракон... Парень не врал, – настала моя очередь бросить взгляд на сидящего метра в пятнадцати от нас у перилл на той стороне террасы Сорроса, что неотрывно глядел на берег и мерно стучал кулаком о доски пола. – Он запомнил удивительно много для того, кто увидел, как его подруге откусили голову... И он, похоже, углядел главное – у дракона есть быстрый, тихий и глазастый друг...

* * *

На берег нас высадилось трое.

Я. Каппа. И Ссака. Все трое в экзах. Все трое подошли к берегу на вместительном плоту – под водой всегда возникают дополнительные траты энергии. Пара прыжков решила бы дело, но, если придется возвращаться на поврежденных и лишившихся герметизации экзах, я бы предпочел иметь под рукой крепкое плавсредство.

Как только мы оказались на берегу, то Каппа и наемница сразу же разбежались, оставив меня одного вытаскивать плот на топкий вязкий берег. Справившись, я мгновенно утек за деревья, сходу забившись под переплетение упавших и уже гниющих, но все еще живых стволов. Нагребя на себя кишачей насекомыми черной мокрой земли, я затих, в крохотную щель между парой ветвей глядя на мутное речное зеркало. Ссака и Каппа заняли примерно такие же позиции.

Мы ждали.

Ненавижу, когда меня пытаются использовать втемную или внаглую.

Тут был второй случай.

И инициатором выступил вдруг очнувшийся от алкогольной дремы еще молодой, но уже разваливающийся вождь, что после очередного отлива мочи вдруг развернулся и, забыв спрятать вялый отросток, толкнул почти невнятную речь о том, что хватит, мол, сука, терпеть этого гребаного дракона, что успел сожрать так много наших за прошедшие годы.

Понявшие куда дело клонится советники попытались ему осторожно напомнить, что если на территорию дракона не соваться, то и проблем от него не бывает. Но вождь уперся и громогласно заявил, что терпеть драконье злобство сил уже нет и надо эту тварь кончать!

Советники попытались еще раз... и тут вождь сделал главную ошибку, после которой назад хода уже не был – он проблеял, что так ему повелела Мать. И все разом заткнулись, глядя на тупого вождя в бессильной ярости. Лишь Мигель качнулся было к пьяному дебилу, пытаясь что-то шепнуть – скажи, мол, что Мать повелела чужакам это сделать, а нам помогать водкой и жратвой, но вождь оттолкнул от себя старика и повторил – «Мы дадим бой дракону!»

Кончено.

И ведь не отрубился, утырок, после такого количества эмоций. Сумел продержаться еще полчаса и даже дать еще одну нихрена не зажигательную речь, что все же подействовала на главную надежду племени – молодых крепких парней. Хотя у меня и возникло ощущение, что парочка из этих ребятишек давно уже мечтает скинуть с плеч стариковское иго советников, но без козырей этот номер не провернуть. А вот если молодые вопреки глупыми старикам завалят дракона...

Короче, лежа на берегу, я лениво считал ползающих по забралу Гадюки муравьев, ожидая, когда придут те, кого опять же Мигель попытался спасти. Ссака слышала, как на каком-то местном языке старик давал наставления уже накачавшимся легкой наркотой и бухлом «воинам», убеждая их не рвать с места в галоп и подождать, пока чужаки первыми не углубятся в джунгли. Пусть мозги парней были до предела переполнены адреналином и кокой, они Мигеля все же услышали. Погрузились на второй плот, не слишком умело придерживая приклады винтовок и дробовиков. Уселись и затихли, нервно поглядывая на нас. Ну да... одно дело – хвалиться размером своего члена во время барной вечеринки, и совсем другое, когда настает время продемонстрировать его ожидающей чуда красоте...

Мы ушли первыми.

Мы причалили первыми.

И ушли в джунгли первыми.

Но дальше этого, парни... дело не пойдет. Меня так внаглую не использовать. А вот я вас... я прямо, сука, с радостью и без каких-либо переживаний.

Второй плот ткнулся в берег далеко не столь уверенно, как наш. Затихнув на таких родных бревнах, воины сгрудились у земляной кромки и глядели на нее так, будто им предложили окунуться в дерьмо, замешанное на серной кислоте. Кто-то самый умный подтолкнул друзей в спины, и вся эта орава, якобы бесшумно, вывалилась на берег.

Невыносимо медленно прошли еще десять минут. Десять минут! Все это время потерявшая уверенность стая молодых речных волков прямо на моих глазах обращалась в стадо овец у ворот бойни. Если они решат уйти – мешать не стану. Каждый гоблин должен раз в жизни решить для себя, кто он такой – волк или овца.

И ведь они почти ушли... Они почти сделали пусть трусливый, навсегда клеймящий, но все равно разумнейший выбор для тех, кто не хочет умирать. Они почти решили вернуться домой...

Но тут с плавучей крепости донеслись самые страшные звуки – ободряющие девичьи голоса. Не женские мудрые голоса матерей, что совсем не желают терять любимых сыновей в придуманной тупым вождем-алкашом хреновой затее. Нет. Там звучали совсем молодые голоса – так визжат семнадцатилетки или девки чуть старше. Вперед, мой волк! Ты самый сильный! Убей всех! Я жду тебя! Лучшее из прозвучавших девичьих обещаний – ты получишь особую награду! В этот момент у половины парней яйца лопнули, забрызгав мозги раскаленной спермой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.